
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 18 (1351)

1 МАЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Да здравствует 1 Мая—день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!

Возводятся новые дома на Ярославском шоссе в Москве. На переднем плане — строительство 300-квартирного дома для работников Министерства связи. На противоположной стороне улицы воздвигается еще один 300-квартирный дом.

Фото Е. Умнова.

Весна 1953 года

Много нового несет с собою весна нынешнего года нашим городам и селам, каждому советскому человеку. Становятся явью смелые замыслы, все отчетливей выступают черты будущего, во имя которого самоотверженно трудится наш народ. Претворяются в жизнь исторические решения XIX съезда партии. Растет благосостояние рабочих, колхозников и интеллигенции.

Не окинуть взором всего, что происходит на огромных пространствах нашей Родины. В сегодняшнем номере «Огонька» мы показываем лишь несколько штрихов, характерных для весны 1953 года...

Мощное строительство развертывается в Москве: в нынешнем году должно войти в строй 800 тысяч квадратных метров жилой площади. Все краше становится любимая столица, неузнаваемо преобразуются отдельные ее улицы, кварталы, целые районы.

Год назад только наливалось самое молодое на планете Цимлянское море. Теперь оно стало неотъемлемой частью разбуженного для большой жизни бывшего края черных бурь и суховеев. На Волго-Донском судоходном канале имени В. И. Ленина открылась вторая навигация.

Передовые советские конструкторы спроектировали и разработали рабочие чертежи небывалой по размерам и мощностям гидротурбины. Строители электрических машин обязались досрочно выпустить гигантский гидрогенератор для Куйбышевской ГЭС.

Могучая техника выходит на колхозные поля. В этом году будет электрифицировано 1 660 колхозов.

Советские люди вступили в весну 1953 года, полные радужных надежд и уверенности, что под руководством Коммунистической партии они одержат новые блистательные успехи.

Весна 1953 года

НА ВОЛГО-ДОНЕ

Е. КАРПАЧЕВ Фото М. САВИНА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Годовалое море

На Волго-Дон пожаловала весна. Ворвалась она с лукоморья теплыми ветрами, перекрошила в устье могучей реки тяжелые льды, окропила дождями ноздреватые снега, и зашумела пенистая волна за станицей Семикаракорской. Недолго держался еще крепкий лед на Цимлянском море, и до конца апреля скитались по его бескрайней глади небольшие зеленовато-серые айсберги.

Нижний Дон открыл пути-дороги от моря Азовского до Цимлянского. 6 апреля, возвещая гудком о начале новой навигации, отошел от гранитных причалов Ростова «Смольный», а вскоре потянулись за ним и другие корабли.

Разительно изменился Дон за минувший год. Вместо причудливых изгибов-колен и петель, которыми изобилует нижнее течение, в ряде мест уже проступили геометрически четко прорезанные «спрямления» — ходы в песчаной отмели.

Плывешь сейчас на корабле по Нижнему Дону, или Цимлянскому морю, или Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина — всюду видишь преобразованный край. Годовалое море непрерывно прибывает — уже почти на три метра превышен максимальный уровень прошлого года, и близок день, когда будет достигнута проектная отметка. Все новые пространства степей покрываются водой и становятся морским дном.

Неумолчный птичий гомон слился нынешней весной с однообразным гулом моря. Перелетные птицы, совершая обычный путь с юга на далекий север, неожиданно встретили на своем извечном пути не мертвую землю, покрытую серебристым налетом соли, а неоглядную водную равнину. Стаи гусей и уток, нарушив вековые привычки, опускались на острова, заполняли бухты и лагуны.

Миллионы рыб пошли нереститься в верховья Дона. Древний инстинкт привел их к бетону плотины Цимлянского гидроузла. Преодолеть эту громаду они не были в состоянии, но сазанов, белуг и осетров ждал специально построенный лифт. Бережно подхватив очередную стайку рыб, лифт поднимает ее на десятки метров — из Нижнего Дона в Цимлянское море.

Лучшая крановщица Цимлянской лесоперевалочной базы Панна Фетисова.

Корабли пяти морей

Год назад в такие же предмайские дни Волго-Дон был еще стройкой коммунизма. Ныне Волго-Дон — действующее сооружение. Действуют его шлюзы, насосные станции, порты, Цимлянская ГЭС. И вновь он поражает невиданными темпами, высокой организацией труда, скоростным освоением новейшей техники.

— Меньше чем за год мы открыли вторую навигацию, — говорит начальник Цимлянского района гидросооружений Виктор Терентьевич Грек. — В прошлом году по водной магистрали пяти морей прошло более двух тысяч судов. А в этом году число их значительно увеличится. Грузопоток по судоходному каналу имени В. И. Ленина возрастает почти в четыре раза, а объем пассажирских перевозок — больше чем на 70 процентов.

Идем по Цимлянскому порту. Над причалами движутся стрелы портальных кранов. Паровозы подают эшелоны под погрузку. Лязг буферов заглушается ревом морских буксиров: «Академик Быков» тянет караван барж, «Академик Асафьев» маневрирует на рейде, «Художник Серов» бункеруется углем.

На морском буксире «Суворовец» входим на рейд. С палубы виден причал порта лесобазы. Вот катер тянет узкие плоты к портальным кранам. Панна Фетисова — лучшая крановщица — подхватывает стрелой огромную связку бревен и подает ее к вагону. Юноша в зеленой куртке с багром в руке перескакивает с бревна на бревно. Директор Цимлянской лесоперевалочной базы Н. П. Сапега смотрит на плотовщиков и говорит:

— Местные жители — казаки-«степняки» — не знали раньше, что такое море и что такое плоты. В прошлом году они даже боялись войти в воду, а сейчас, смотрите, как ловко работают казаки на плотах!

Корабль проходит мимо ростральной башни маяка и направляется в открытое море. Позади остаются триумфальная арка 14-го шлюза, волноломы, строения порта. Дует резкий ветер. Бьет о борт холодная волна.

Тринадцать трасс проложено в этом году по Цимлянскому морю. Кроме экспрессной пассажирской линии Москва — Ростов — Москва открыты линии Сталинград — Ростов, Калач — Нижне-Чирская и многие другие.

Открытие навигации на Цимлянском море. На рейде — морской буксировщик «Суворовец».

Не через трое суток, как в прошлом году, а через каждые сутки будут проходить по линии Москва — Ростов — Москва комфортабельные пассажирские суда «Россия», «Украина», «Белоруссия», «Грузия», «Азербайджан». На всем протяжении волго-донского пути уже расставлены дебаркадеры, подготовлены к встрече судов причалы в портах Сталинграда, Ростова и Калача. По ночам в море и на судоходном канале загораются многоцветные сигнальные огни. Вспыхивают лучи маяков. «Добро пожаловать!» — выведены огненными буквами приветственные слова на пристанях трассы пяти морей.

Мартыновская ЛЗС. Боронование земли под посевы дуба.

Стальное сердце

Над железобетонной Цимлянской плотиной возвышается белокаменная башня, венчающая здание гидроэлектростанции. От нее отходят стальные мачты, принимающие здесь тяжелые медные провода. Они тянутся от мачты к мачте, к шахтам Донбасса, в колхозы Дона и Кубани, к новостройкам, насосным станциям, оросительным системам Волго-Дона. Весь юг Европейской части нашей страны опоясан колоссальным энергокольцом. На западе кольца действует Днепрогэс, а на востоке — Цимлянская ГЭС.

В высоком белостенном зале тишина и покой. Бесшумно работают машины, преобразующие энергию моря в энергию электрическую.

— Всего десять месяцев действует наша гидроэлектростанция, — рассказывает начальник Цимлянской ГЭС Виктор Андреевич Петров. — За это время коллектив сумел полностью освоить новейшие машины. Достигнута и даже перекрыта установленная мощность. Почти на 200 процентов выполнен план прошлого года.

Проходим в другой зал, отделанный орехом и дубом. Здесь центральный пульт управления. Горят сигнальные лампочки на черных панелях. За письменным столом сидит дежурный инженер Николай Ладиков. Слышится телефонный звонок. Диспетчер из Ростова отдает Ладикову распоряжение. Инженер подходит к пульту, поворачивает ключ, и автоматы тотчас выполняют необходимую операцию.

— К открытию второй навигации на Цимлянском море мы закончили автоматизацию всех агрегатов,— сообщает товарищ Петров.— Автоматы сокращают время подготовки и включения машин в пять — шесть раз. Энергетики перерабатывают всю большую воду, идущую из Цимлянского моря в Нижний Дон, и заставляют каждую каплю отдавать свою энергию турбинам.

Машинный зал Цимлянской ГЭС.

Канал изобилия

13 апреля на Волго-Доне произошло событие, воспринятое здесь как само собой разумеющееся и настолько будничное, что на него не обратили особого внимания: в тот день пустили воду из Цимлянского моря в Донской магистральный канал. А ведь год назад такой же пуск привлек внимание всей страны!

Вблизи Цимлянского порта, на берегу моря, возведено строгое железобетонное сооружение — головной водоразбор Донского магистрального канала. Когда в нем подняли щиты — шандалы,— поток устремился через водоразбор, далеко в степь, по главной артерии оросительной системы.

Едем следом за водой по берегу широкого канала. Справа и слева отходят от него водовыпуски на поля колхозов Романовского района. Встречаем по дороге верхового — это водный объездчик, ветеран гражданской войны казак Иван Андреевич Волконогов. Он спешит узнать, где идет сейчас донская вода. Спешившись, Волконогов рассказывает:

— Еду я из колхоза имени Куйбышева. Меня председатель Дмитрий Васильевич Проваторов попросил узнать о воде. Ждут ее колхозники. Где-где, а у нас каждый ценит воду. В прошлом году, как подали воду по каналам, в колхозах осенью такие урожаи взяли, что и не слыхивали раньше!

Проезжаем по полям колхозов «Основа», имени Ворошилова, имени Горького, имени Буденного и видим: стар и млад вышли встречать воду. Поливальщики, заняв свои места, уже по-деловому принимают на поля потоки из Цимлянского моря.

Вместе с колхозниками на поле вышел начальник управления эксплуатации Нижне-Донской оросительной системы Георгий Павлович Чередниченко.

— Опыт эксплуатации оросительной системы в прошлом году, — рассказывает он, — дал очень много полезного не только нам, но и многим ученым Москвы, Ростова, Новочеркасска, строителям новых оросительных систем. Чтобы получить еще более богатый урожай,— продолжает товарищ Чередниченко,— колхозы подготовили этой зимой свыше пяти тысяч поливальщиков, а с весны все мы занялись ремонтом и проверкой оросительной системы.

Приняв воду, земля словно вздохнула полной грудью. Голубым стеклом засверкали каналы и водоемы. Куда ни поедешь в эту весеннюю пору, всюду услышишь журчанье воды и гул тракторов. Они идут по целине полупустыни, впервые поднятой тракторными плугами, — одни заняты боронованием, другие — культивацией.

К ночи выезжаем на берег моря. Глухо шумят волны. Вдали полыхает в полнеба электрическое зарево над Цимлянской ГЭС. Где-то далеко зычно гудит корабль. Вспыхивают фары, и подходит машина. Начальник управления строительства оросительных и гидротехнических сооружений Герой Социалистического Труда Александр Петрович Александров едет на пуск Багаевского и Садковского распределительных каналов.

— Пускаем вторую очередь орошения Волго-Дона, — говорит Александров. — С открытием Багаевского и Садковского каналов площадь земель, орошаемых водами Волго-Дона, увеличится вдвое. Одновременно продолжаются большие строительные работы. Тысячи скреперов, бульдозеров и экскаваторов прорезают русло будущих оросительных каналов, прокладываются тоннели «степного метро», монтируются насосные станции. В сроки, установленные партией и правительством, будут орошены миллионы гектаров земли Ростовской и Сталинградской областей.

Едем по полям, принявшим воду. Журчат струи, и в ночи слышится песня. Поет казачий колхозный Дон. Это люди поют о счастье, и все звуки весенней степи, напоенной водами нового моря, звучат, как гимн партии, ведущей народ к коммунизму.

ЛЮДИ, НЕСУЩИЕ ЗНАМЯ

Вас. ФЕДОРОВ

Здесь работают люди одной из самых древних профессий — кузнецы.

По глубокому убеждению старейшего из них, Михаила Федоровича Ушкалова, механический цех не выдерживает с кузнечным никакого сравнения. Не один раз проходил Михаил Федорович по цеху холодной обработки. Его всегда поражали четкость очертаний и блеск готовых деталей, похожие на жужжание шмелей звуки резцов и фрез и тонкий запах машинного масла. Но красота соседнего цеха сразу же меркла, когда он входил на свой участок в кузнечном.

Черные молоты-исполины, двумя рядами стоящие друг против друга, как бы соревнуются в силе. Их могучие удары озаряются вспышками огня. Потухает один — вспыхивает другой, третий. В сероватой мгле, дымясь, светятся отштампованные детали. Вот от крайнего молота начинают движение коленчатые валы. Подхваченные транспортером, белые вначале, они медленно движутся куда-то вверх, остывают до яркой красноты, делают поворот и, становясь малиновыми, а затем вишневыми, скрываются в узком проеме, уводящем их дальше. Здесь, потеряв краски, они умерли для кузнеца и ожили для токаря.

Михаилу Федоровичу сорок два года. Московский автозавод имени Сталина вырастил его. Семнадцать лет он носит кожаный фартук. Для кузнеца это срок редкий. Его старые друзья-соратники, с которыми начинал он свой славный путь, — например, Федор Иванович Хромилин, — давно работают мастерами, начальниками участков. И он бы мог: несколько раз ему предлагали снять свой прожженный фартук и стать мастером. Когда Михаил Федорович пошел на курсы мастеров, все так и думали: окончит — согласится. Но не тут-то было. Окончив школу мастеров, он получил диплом и положил его в папку вместе с наградными документами.

— Теперь-то согласен? — спросил вскоре начальник цеха.

У немногословных людей фразы, жесты, лицо особенно выразительны. Начальник смотрел на сухие, плотно сжатые губы кузнеца, на его веки, опущенные в задумчивости, и ждал. Отличный штамповщик — находка, отличный мастер — находка двойная.

Кузнец думал. При этом его правая рука сделала невольное движение, от которого под пиджаком взбугрились мышцы.

— Еще есть сила, Всеволод Александрович, — ответил он наконец, — поработаю на прежнем месте...

Дело было не только в силе, дело было в другом — в самой профессии. Любовь к ней, как и семнадцать лет назад, делает его молодым и сильным.

Кузнец Михаил Федорович Ушкалов.
Фото С. Михайлова.

Всем хорошим, что было и есть в его жизни, Михаил Федорович обязан своей любви к кузнечному делу. Она дала ему возможность раскрыть свои духовные силы, принесла почет и славу, уважение товарищей. В одно из народных торжеств кузнец Ушкалов, представитель своей славной профессии, сидел за одним столом с великим человеком, Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Это было на одном из приемов в Кремле. Там были знатные люди всех профессий, в том числе и он, кузнец. Сталин смотрел на него так, словно знал давно-давно, еще подростком, когда из родной Коноплянoвки пришел Михаил Федорович на стройку первой пятилетки.

На следующий день после встречи с вождем его, счастливого, окружили друзья. Начались расспросы: разговаривал ли, близко ли сидел?..

Близость к Сталину особенно сильно ощущалась на заводе, носящем его имя. Каждый срыв, каждая маленькая задержка в работе была оскорбительной для чести всего коллектива. Если на одном из участков возникали такие случаи, туда шли коммунисты завода и выправляли дело.

На тяжелом молоте, где штампуются балки передней оси, работал кузнец, дела у которого шли неважно. Вместо ста восьмидесяти пяти балок по норме он делал сто пятьдесят — сто шестьдесят. Недоданные балки — это недоданные машины.

Работа была трудная, не каждому по плечу. Михаил Федорович работал тогда на штамповке более легкой детали. Начальник цеха и парторг ломали голову, как выйти из прорыва, а долг рос и рос. Ушкалов не вытерпел, пошел к начальнику цеха и сказал:

— Переводите на штамповку балки.

— А выдержишь? — спросил тот с сомнением.

Кузнец еле заметно кивнул головой. Привычка так отвечать выработалась у него на рабочем месте, где в шуме плохо слышен человеческий голос. Заметив этот утвердительный кивок, начальник цеха оживился. Он посоветовал Ушкалову подобрать себе хороших подручных, на которых можно положиться.

С прежним кузнецом подручные работали без особого воодушевления. При каждом срыве программы над ними посмеивались. Кроме того зарабатывали они меньше, чем другие. Теперь, увидев пришедшего к их молоту знатного кузнеца и узнав, что он будет работать с ними, подручные обрадовались.

В первый же день бригада дала двести пятьдесят балок, потом двести семьдесят, а через неделю прибавила еще десять. Каждую смену около молота Ушкалова вырастал высокий штабель горячих деталей, похожий на поленницу дров, какие складывал он когда-то в Коноплянoвке.

...Была еще одна причина, заставлявшая Михаила Федоровича отказываться от звания мастера. Ему казалось, что, несмотря на успехи, он еще не все сделал, на что способен. Он штамповал триста десять — триста двадцать балок, но знал, что при лучшей организации труда эти цифры можно увеличить.

Когда цех стал на стахановскую вахту в честь XIX съезда партии, Михаил Федорович собрал свою бригаду. Два коммуниста — он и нагревальщик Иван Парамонов — заговорили о предстоящей работе. Обычно неразговорчивый, на этот раз кузнец оказался по-своему красноречивым:

— За последнее время нас много хвалят. Даже стыдно. Честное слово, стыдно. Они-то, кто хвалит, не знают, а мы знаем, что можем лучше работать. Вот мы в рабочее время затачиваем штампы... А ведь их можно заточить до начала смены! С ремонтом такая же штука... Правильно?

— Правильно! — первым отозвался подручный Макаров.

— Здесь ты, Костя, прыток, — проворчал бригадир, — а во время работы по тридцать секунд, а то и больше заставляешь меня ждать заготовку.

— Не будет этого, Михаил Федорович! — пообещал Макаров.

Когда наступает момент, о котором человек так долго мечтал, все его существо отдается единому порыву. Все, что копилось в сердце, в сознании, вдруг сплавляется и крепнет в одном волевом стремлении и начинает жить и действовать. В бою и труде — одинаково — в такие моменты рождается героизм. Ушкалов не думал об этом в дни вахты, но когда в его руках светился горячий металл, на каждый удар молота отвечавший косматым пламенем, где-то подсознательно жила мысль, что вот в таком порыве он пойдет навстречу любой трудности.

Почти каждый день бригада ковала по триста с лишним балок. За десять дней она дала сверх плана поковок более чем на тысячу машин. К открытию съезда эта цифра возросла в несколько раз.

Однажды, после особенно успешного дня, Михаила Федоровича вызвали в горком и вручили гостевой билет на съезд.

— Ну как, доволен? — спросили его.

— Как сказать?! — ответил кузнец. — Для такой чести мало того, что мы сделали...

* * *

Когда молодые кузнецы хотят дать высшую оценку работе своего учителя, они говорят: «О-о, Ушкалов — это класс!»

У Михаила Федоровича много учеников. Некоторые из них давно наступают «на пятки» своему наставнику. Этого, собственно, он и хотел, когда они, еще неопытные, приходили к нему в бригаду.

Не из каждого ученика получается кузнец. Иного учишь, учишь, а он как был ремесленником, так и остался. На учеников у Михаила Федоровича был верный глаз. Только с одним из них, Сергеем Сустретовым, вышла у него промашка.

Сергей пришел из ремесленного училища. Всем был хорош парень: и складностью некрупного тела, и честным, доверчивым взглядом на открытом лице. Только одно не то что не нравилось кузнецу, а как-то настораживало — это усы. В двадцать-то лет, да еще у нагревательной печи!

— Вот спалишь их! — сказал кузнец своему нагревальщику.

Другим этого было бы достаточно, чтобы расстаться со своим украшением. Но Сергей промолчал и лишь старательнее принялся за работу.

Вскоре Ушкалову сказали, что Сергей увлекается туризмом.

— Вот и хорошо! — ответил тот, сам любивший побродить по красивым местам.

В цехе заговорили:

— Сустретов пишет стихи!

Усы — еще туда-сюда, а вот стихи!.. Бригадир покачал головой и сказал:

— Раз пишет стихи, кузнец не получится...

Переход Ушкалова на участок тяжелых молотов разлучил его с Сустретовым. Комсомолец Сустретов начал работать бригадиром. Первые же самостоятельные шаги Сергея оказались успешными. Сто двадцать — сто тридцать процентов давал он играючи. Через полгода он уже начал догонять своего учителя. Что ни месяц — сто пятьдесят, сто шестьдесят процентов.

«Вот тебе и поэт! Вот тебе и не кузнец!» — начал подумывать Ушкалов.

О Сергее писали в газетах. Отовсюду: из Болгарии, из Венгрии, из Китая — к нему потекли письма. Китайские студенты Юн Гуан, У Бошен и Юн Хэ вместе с письмом прислали ему портрет Мао Цзэ-дуна. Письмо и надпись на портрете ему перевел китайский инженер, приехавший изучать работу советских кузнецов.

Сергей настойчиво опровергал мнение своего учителя, что поэзия помешает ему стать хорошим кузнецом. Всякий раз, когда в многотиражке печатались его стихи, он непременно отличался в работе на своей горизонтально-ковочной машине.

Михаил Федорович внимательно, по нескольку раз перечитывал стихи своего ученика. Одно стихотворение заканчивалось так:

Вот так бы
лететь и лететь годам,
не меркнуть в глазах моих солнцу.
Но если надо,
я первый отдам
жизнь свою,
как краснодонцы.

Эти стихи Ушкалову понравились. Встретившись с Сергеем, он спросил его примирительным тоном:

— А как они тебе... легко даются?..

— По-разному, — ответил тот, — другой раз два рекорда дал бы, чтобы хоть одна строчка была настоящей.

Наступала весна. Робко появлялись ее первые признаки. С крыш начали падать тяжелые капли.

В это время в цехах начинают подумывать о приближении первомайского праздника. Как всякий праздник, кузнецы завода ЗИС встречают его производственными победами. Между лучшими людьми цеха разгорается благородная борьба за честь пронести свои трудовые знамена перед трибуной Мавзолея. Несколько лет подряд Михаил Федорович удостаивался такой чести. Его право нести знамя было всегда неоспоримо, потому что в предмайских соревнованиях он, как правило, оказывался победителем. Но в эту весну стало ясно, что борьба за первенство будет более острой. И с кем же? Со своими учениками — Володей Щукиным, Сергеем Сустретовым. «Ну, что же, посоревнуемся!» — решил Ушкалов.

Однажды Михаил Федорович зашел в партбюро цеха. Парторг Базанов сидел, грузно навалившись на стол, и читал какие-то бумаги. За его спиной, рядом с сейфом, стояло два переходящих знамени. Этими знаменами гордились, в торжественные минуты их выносили и ставили на видное место, а в праздники несли на парад. Кузнец невольно посмотрел на них. Заметив это, парторг пошутил:

— Не заглядывайся! Нынче тебе, пожалуй, нести не придется...

— За что такая немилость? — в тон ему спросил кузнец.

— Лучше спроси, от кого. Вот полюбуйся! — И Базанов придвинул к Ушкалову список лучших рабочих. — Все будет зависеть от твоих учеников. Володя Щукин от тебя не отстает, а Сустретов вот-вот перегонит.

На выразительном лице кузнеца появилось горделивое выражение, темные глаза чуть-чуть прищурились. Он слушал парторга и курил. Глубоко затянувшись, Михаил Федорович ответил:

— Нечего и смотреть. Знаю...

После этого разговора прошло три дня. За это короткое время ученики и учитель сумели доказать, что достойны друг друга. Успехи Щукина и Сустретова только радовали опытного кузнеца. Будет кому заменить его, когда он даст согласие стать мастером...

В школе мастеров в качестве дипломной работы Михаилу Федоровичу было задано сконструировать и рассчитать штампы для балки передней оси. Несмотря на то, что эту деталь он знал наизусть, как Сустретов свои стихи, конструкторская работа далась ему с большим трудом. Пришлось перечитать много книг, справочников. Чертежный карандаш слушался плохо. Давно знакомые контуры балки на ватмане казались непохожими. В таких случаях он обращался к жене, Елене Ивановне, работавшей в соседнем цехе технологом.

— Чи похоже, чи непохоже?

Иногда к нему приходили друзья по школе мастеров. Они были придирчивы. После их посещения Михаил Федорович всегда что-нибудь переделывал в своих чертежах. Получив за них высокую оценку на экзаменах, Ушкалов свернул их в рулон и, как дорогую семейную реликвию, положил в самое безопасное место. Доставал он их редко, лишь тогда, когда нужно было подумать о каком-нибудь новом приеме работы на штампе. И вот теперь, когда началось предмайское соревнование, кузнец вспомнил о них. По тому, как он старательно раскладывал чертежи, Елена Ивановна поняла, что ее беспокойный муж готовится к серьезной работе.

...Весна шла от центра Москвы, где улицы очистились от снега еще в марте. Она перешагнула через Садовое кольцо и вышла на окраины. Снежная зима, рассеченная лентами дорог и улиц, отступала. Изгнанная с улиц, она таилась теперь лишь во дворах и закоулках, из которых ее вывозили глыбами грязного льда.

Михаил Федорович шел на завод. Мимо него пробегали трамваи, автобусы — можно было сесть и доехать. Но в них не думалось бы так сосредоточенно, как думается при ходьбе. Два дня назад на собрании кузнецов-штамповщиков он взял обязательство: отштамповать балок сверх плана более чем на две тысячи машин.

Дела бригады Ушкалова шли ровно, без резких взлетов и падений, как у Сергея, который то даст рекорд, то вдруг снова снизит выработку. В среднем у Сергея получалось чуть-чуть поменьше, чем у Михаила Федоровича. Вот и теперь, зайдя в цех, Ушкалов увидел плакат-молнию, говорящий о новом рекорде молодого кузнеца. Работая на горизонтально-ковочной машине, тот вместо полагающихся по норме 500 деталей сделал 1 025. Сообщение о рекорде заканчивалось словами: «Желаем успеха!»

Ушкалов постоял, постоял перед плакатом и вместо того, чтобы зайти в контору, как намеревался раньше, торопливо направился к своему молоту.

* * *

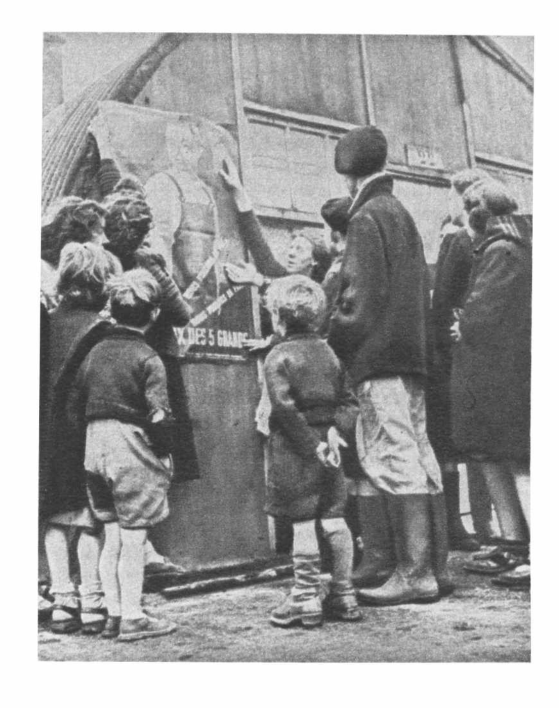
...Мне представляется Первомай. На Красную площадь движутся колонны, полощутся знамена, завоеванные в труде. Идет народ-победитель, идет, держа равнение на трибуну Мавзолея. Каждый советский человек ловит себя на том, что среди родных лиц он ищет лицо того, кто в течение десятилетий вел нас к победам... На мраморной стене Мавзолея горят два бессмертных имени: ЛЕНИН, СТАЛИН. На трибуне — их ученики и соратники...

...Идут знаменосцы — лучшие люди столицы, имена которых известны всей стране. Среди них мне видятся два кузнеца с завода ЗИС. Один высокий, чуть-чуть сутулый, с сухощавым лицом. Рядом с ним идет юноша. Над ними торжественно переливается бархат знамен. И кажется, что кузнецы сами выковали эти знамена, и переливаются они так потому, что еще горячие...

Сергей Сустретов.

ДЕЛО МИРА В Р

Плакат, зовущий к миру, вывешен на рабочей окраине Парижа — в знаменитой «зоне бараков».

«Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца».

Эти слова великого знаменосца мира И. В. Сталина дошли до сознания сотен миллионов людей. Народы мира не забыли кровавые уроки недавнего прошлого, они не хотят повторения войны.

Вот почему с такой неодолимой силой и размахом растет во всех странах широкий фронт борцов за мир. К этому могучему фронту примыкают все новые и новые массы рабочих и крестьян, прогрессивная интеллигенция, наиболее дальновидные представители имущих классов, ибо они видят, что политика империалистов-миллиардеров направлена на подготовку новой войны.

Вот почему свыше шестисот миллионов подписей было собрано под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Вот почему такое широкое представительство было на Конгрессе народов в защиту мира, состоявшемся в конце прошлого года в Вене. Вот почему после Конгресса с новой силой развивается движение за мир на всех материках земного шара, объединяя в своих рядах всех честных людей, заинтересованных в мирном труде, в процветании своих стран и всего человечества.

В воззвании, с которым обратилась к общественности комиссия Конгресса народов в защиту мира, говорится: «Если наши современники хотят избежать проклятия грядущих поколений, они должны быть достаточно сильными, чтобы изменить ход событий и безумию подготовки к войне противопоставить разумные пути переговоров, намеченные Конгрессом народов в защиту мира».

Во всех странах мира этот призыв нашел дорогу к сердцам неисчислимых масс простых людей.

В различных странах по-разному, но с величайшим единодушием народы ратуют за дело мира. Призывы к миру раздаются на международных национальных конгрессах и конференциях, на демонстрациях и митингах рабочих, инвалидов войны, женщин, студентов. Сбор подписей под обращением к пяти великим державам о заключении Пакта Мира идет во всех, даже самых глухих уголках земли. Демонстрации трудящихся Западной Германии против боннского и парижского агрессивных договоров — это борьба за мир. Протесты французских матерей против «грязной войны» во Вьетнаме — это борьба за мир. Когда задыхающиеся от гнета и бесправия негры Южной Африки восстают против расовой дискриминации, они тем самым говорят: «Мы за мир!» Когда рабочие французских и итальянских портов отказываются выгружать военные материалы, они активно защищают дело мира. Надписи на стенах городов Европы «Американцы, убирайтесь в Америку!» — это требование мира.

Трудовое человечество хочет мира и борется за дело мира. Это святое, правое дело победит.

Западная Германия... Дюссельдорф, город стали и машин. Рабочие Дюссельдорфа не раз заявляли: они за мир и единство своего отечества. Полицейским Аденауэра нелегко заставить отступить немецких патриотов, им не вырвать знамя мира у народа Германии!

Джалландар в Пенджабе. И здесь, как в любом другом месте на земном шаре, люди строятся в колонны, подымают свой голос в защиту мира.

Борьба за хлеб сливается с борьбой за мир. Рабочие Парижа требуют: «Жилищ, а не пушек», «Подвижной шкалы заработной платы». И вместе с этим рабочие возглашают: «Нет места в Париже генералам от чумы».

УКАХ НАРОДОВ

Для них! Для этих детей народной Польши, как и для их сверстников во всем мире, идет эта повседневная, неустанная, упорная борьба миллионов и миллионов простых людей за мир, борьба против новых рек крови, новых разрушений, против нового массового истребления детей.

«Мир во всем мире — через Пакт пяти держав». Это голос трудящихся Лондона, участников демонстрации сторонников мира, направляющейся в центр Лондона — на Трафалгарсквер.

Молодежь Италии, зовущая народ преградить дорогу войне, знает, что мир и национальная независимость неразрывны. Молодые рабочие завода «Ансальдо» несут на демонстрацию изображение национального героя Гарибальди с надписью: «За мир, за будущее Италии».

На фронте в Корее... Китайские добровольцы пришли в эти горы отстаивать дело мира для корейских братьев, для великого китайского народа, для народов всей земли.

Для сотен миллионов людей призывы Венского конгресса народов в защиту мира прозвучали, как набатный колокол, зовущий к спасению будущего человечества. Какая вера в силы мира, какая горячая надежда написана на лице этой участницы конгресса — юной партизанки, героини освободительной борьбы вьетнамского народа!

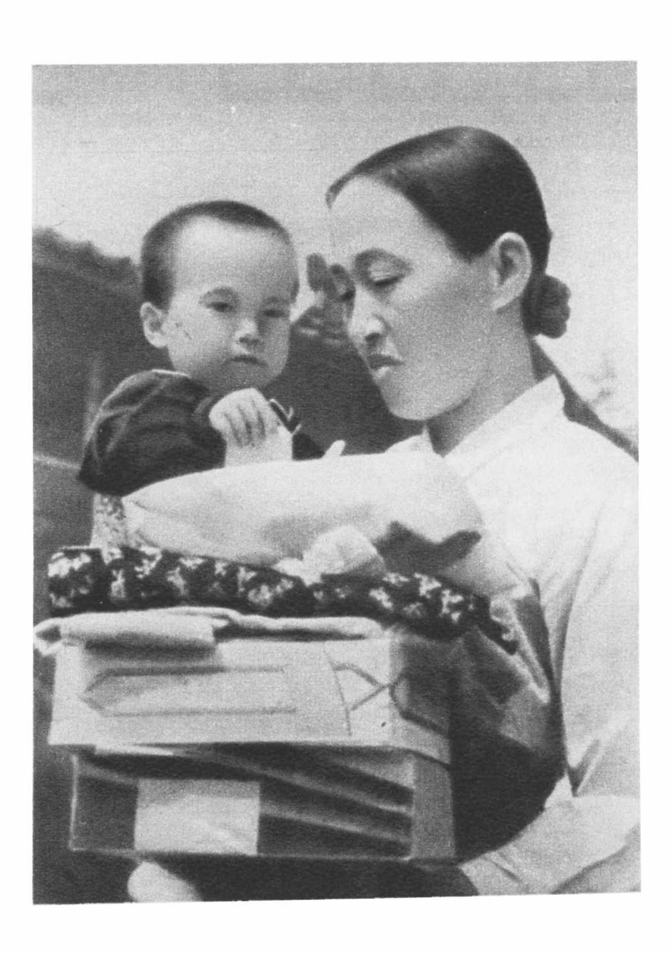
Мира одинаково хотят все — и черные и белые американцы. В делегации штата Мэриленд, участвовавшей в «Походе американцев за мир», они вместе выражали свою общую заветную мечту: мир для всех людей, без различия цвета кожи, национальности, религии!

Против них выстроились вооруженные до зубов жандармы Иосиды, броневики американской «милитэри полис». Но они стояли непоколебимо, с гордым достоинством глядя в лицо тем, кто душит японский народ. Мощный митинг трудящихся одного из районов Токио, созванный недавно японскими борцами за мир, прошел с успехом.

В январе сторонники мира демократической Чехословакии собрались на свой национальный конгресс. Единодушно принятые конгрессом решения еще и еще раз показали, что народ Чехословакии был и останется одним из передовых отрядов армии мира.

Откуда пришли эти подарки корейскому ребенку? Из Болгарии, Польши или из Франции, Дании, Италии? Все равно: этот маленький дар — символ солидарности всех миролюбивых народов земли с народом Кореи, борющимся за мир и национальную свободу.

Язык мира — язык всего человечества. Неграмотные женщины Бенгалии ставят свои семейные печати и оттиски пальцев на листках, где выражено требование народов: Пакт Мира.

ВИД НА КРЕМЛЬ С МОСКВЫ-РЕКИ.

Фото А. Гостева.

НА ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В МОСКВЕ. 1952 год.

Фото Н. Петрова.

Рабочие корреспонденты

Павел КРАВЧЕНКО

Главный механик недоволен

Под ногами хлюпала вода. Весна пришла в Запорожье быстрая и шумная. По улицам проворно текли ручьи.

Главному механику «Укрводстроя» Михайлову и редактору газеты «Сталинская стройка» Дьяченко приходилось кое-где перепрыгивать через воду. Шли рядом: было по пути.

Обычно жизнерадостный главный механик сегодня хмурил брови.

— Что с тобой, Георгий Михайлович?

— Со мной? Ничего... С машинами безобразие.

— А что?

— Дрянь дело. Видал, какие машины получаем?

— Ну?

— Вот и «ну». Варвары мы. Лопаты нам дать! Лопаты и тяпки, а не экскаваторы. И то бы, наверно, у лопат черенки пообломали.

— Чего ругаешься?

— А что мне, романсы петь? Не успели начать — одна поломка, другая, третья... Думаешь, отчего? Машины плохие? Руки плохие. Ему улицы подметать, а не механизмами заниматься...

— Кому ему?

Механик молчал. Он перестал обходить лужи и быстрыми шагами шел напрямик, разбрызгивая воду. Потом взглянул на редактора.

— Ты в Каменке давно был?

— Давно.

— Съездил бы посмотрел. Месяца не проработали — умудрились целое кладбище машин устроить... Несколько бульдозеров, скрепер... Стоят, как сиротинки... Слушай!

Механик внезапно остановился и поглядел на редактора, словно вдруг что-то сообразив.

— Знаешь, Иван Петрович? Послал бы ты толкового корреспондента в Каменку. Там, понимаешь, одними указаниями и инструкциями мало сделаешь. Надо людей поднять — это партийная работа, а не административная. Люди ведь золотые, все поймут, только организовать надо... А газета — она же партийный орган...

На барже

Иван Петрович сам отправился в Каменку. С ним ехал инженер-механик, прикомандированный к нему Михайловым. От Запорожья до Никополя доехали по железной дороге. В Никополе сели на баржу.

Лед по Днепру уже прошел, но сегодня с утра подморозило, и о борт позванивали легкие льдинки. Свежий ледок скрепил у берегов шугу, и уткам надо было пройти немного по льду, прежде чем попасть в воду. Утки били крыльями по воде и удовлетворенно вразнобой кричали. Днепр был чистый и казался глубже, чем обычно. Редактор и инженер поднялись наверх. Надвинув шапки на уши, они смотрели на проплывавший мимо каменистый Микитин рог. На берегу был отчетливо виден каждый камешек: воздух был удивительно прозрачен.

Снизу, из трюма, донесся торопливый шепот:

— Степа, а если долго придется квартиру ждать?

— Тю, глупая,— покровительственно ответил ломающийся басок.— Как же долго, когда великая стройка... Поживем пока в общежитии, к осени будет.

Через минуту снова:

— Степа, а твой канал — это вроде Волго-Дона, да?

— Вроде! Одного грунта вынем в восемь раз больше, чем на Волго-Доне, поняла?

Никандр Петрович Яценко.

— Поняла,— прошелестел девичий шепот.

— Я тебе потом расскажу, поймешь. Реку назад повоdepотим... А вообще восемьсот колхозов оросим.

— Как?

— Вот ты у меня прямо ребенок — как? На сухие земли воду пустим. Твой дядька в Николаевской области работает? Ну, так инженер говорил, что в этой области колхозы от овощей в шестьдесят раз больше дохода получат. Теперь поняла, как?

— Поняла,— опять раздался легкий вздох.— Степа, а ты на этом... шагающем работаешь, да?

— Потерпи. Буду и на шагающем,— после раздумья уверенно ответил басок.— Их больше полтысячи, разных экскаваторов, у нас заработают. Все будет...

И после молчания:

— Спишь, Варя?

— Нет. Устала только...

— Спи, воробушек. В Каменке разбужу.

Невольно подслушавшие чужой разговор инженер и редактор не посмели заглянуть в трюм. Они только широко улыбались, посматривали друг на друга и следили за проходившей мимо светлой стеной прошлогоднего камыша, четко рисовавшейся на сиреневом фоне дальнего леса.

Добрицкий и коллектив

В Каменку редактор и инженер попали в самое время. Страсти там уже сильно разгорелись. Коммунисты подступали к начальнику участка механизации Добрицкому, требовали принять меры против поломок механизмов.

— Так вы по этому самому делу приехали? Из редакции? Отлично,— сказали коммунисты.— Помогайте нам. Идемте вместе к Добрицкому.

Начальник механизаторского участка на стройке должен быть передовой фигурой. Добрицкий не был таким.

— Вам не кажется, что вы устраиваете панику? — мямлил он.

— Нет, не кажется. Машины портить мы не имеем права.

— Организационный период... Некоторые недочеты естественны.

— Порча народного имущества не может быть естественной.

Добрицкий разводил руками:

— Еще и мастерских приличных нет. Запасных частей нет, смазки хорошей нет. Кадры недостаточно квалифицированны. Поговорите сами с механизаторами.

— Хорошо. Поговорим.

Разговоры получились громкие:

— Как он вам сказал? Кадры недостаточно квалифицированны? Интересно. А Петренко? А Зелинский? А Граждан, а Удовиченко, Закорчаный, Шабанов?.. Эти тоже «недостаточно квалифицированны»? А кто позаботился, чтобы их опыт передать молодым? Вы думаете, режимы обкатки везде были выдержаны точно? Нет. А кто за этим следил? Добрицкий? У него одно оправдание: «Текучка заела».

Когда положение было достаточно выяснено, скреперист Виктор Зелинский сказал редактору:

— Иван Петрович! Какую вы кампанию хотите поднимать? Против поломок? Смешно. Ломать машины мы и без кампании не имеем права. Наладим обмен опытом — и поломки ликвидируем. А цель надо ставить повыше. Продление жизни машин — вот цель! Допустим, трактор «С-80» обязан проработать без капитального ремонта четыре тысячи часов, а люди готовы взять обязательство: пять — пять с половиной тысяч. К концу года дадим не сто процентов плана, а сто тридцать. Мы подсчитывали. И знаете что? Не уезжайте, пока не примем обязательство. Добрицкий вас побаивается — не посмеет выступать против, а уедете — снова тянуть начнет.

Собрание механизаторов в Каменке было долгим и бурным. Опыта, которым следовало поделиться, накопилось много. После того, как все рассказали про свою работу и были учтены ошибки, оказалось, что механизаторы готовы принять обращение ко всем строителям канала с призывом продлить жизнь машин. Каждый пункт обращения был уточнен. Когда в час ночи механизаторы, закуривая, расходились с собрания, Добрицкий беспомощно пожал плечами и сказал редактору:

— Ну, знаете... Это же нереально, фантазия. Поломки ликвидируем — и то плюс... А продлить сроки работы машин? В наших условиях? Это, знаете...

— Знаем! — ответил догнавший их бульдозерист Шабанов.— Все знаем. И сроки продлим.

Обращение механизаторов Каменки было напечатано в «Сталинской стройке». Посыпались сотни откликов — со всех участков. Партийные организации поддержали отличный почин. Опытные механизаторы помогли молодым. Огромное количество машин проработало без капитального ремонта гораздо больше положенного срока. Добрицкий вскоре был освобожден от работы: он не мог понять могучей силы коллектива.

А не понимая этой силы, невозможно работать на стройке коммунизма.

Бульдозерист Никандр Яценко

Про Никандра Петровича Яценко главный механик рассказывал так:

— Понимаете, это виртуоз! Такого мне раньше встречать не приходилось. Малейшее

сопротивление земли, музыку мотора — все чувствует. У других после первого прохода все-таки, бывает, остается волнистая поверхность грунта, надо заходить второй раз. А Яценко пройдет — позади гладко, ровно, чисто. Как на столе у хорошей хозяйки. Все бы так работали — в полтора-два раза можно сроки сократить!

В редакции любили, когда к ним заходил немногословный, спокойный Яценко. Он считался активным корреспондентом. Заметки его всегда были дельные и очень интересные.

— Добрый день, Никандр Петрович! Новенькое что-нибудь принесли?

— Не знаю, что вам ответить... Хорошее вы дело начали.

— Правда, хорошее? — Сотрудники были польщены.

— Правильное. Только... как бы вам сказать... Это ведь одна сторона дела — продление жизни.

— А что? — насторожились сотрудники.

— Есть вторая сторона. Думаю, что можем превысить и проектную мощность машин.

— Как проектную мощность?..

— Ну, проектную производительность. Не в словах дело. Я вот думаю: положено мне по норме переместить четырнадцать кубометров грунта в час. Можно переместить сорок. Словом, машина даст производительность большую, чем предусмотрел завод.

— Никандр Петрович, а машина?

— Что, думаете, не выдержит? Машина проработает больше положенного ей срока. Я вам оставлю статью, а вы зайдите, посмотрите на работу. Думаю, что не я один, а каждый сумеет так работать. Увидите, тогда сами прикидывайте, печатать или не печатать. По-моему, заводские нормы устарели: они для вчерашнего рабочего.

Хронометраж показал, что Яценко был прав. Его статью газета напечатала. Но многим показалось, что он все-таки зарвался.

— Вот так машины и выводятся из строя,— подняв палец, изрекал кое-кто из скептиков даже в самом управлении.

Политотдел и газета, разобравшись в деле, решительно стали на сторону Яценко.

Никандр Петрович был командирован для инструктажа в Снигиревку, где разворачивался большой фронт работ. Газета в это время продолжала свое дело. Почти в каждом номере выходили подборки материалов под заголовком: «Превысим проектную производительность землеройных машин!»

В Снигиревке

Самолюбие некоторых снигиревских механизаторов было уязвлено.

— Та-ак. Значит, школу для нас откроют? Или, может, детский сад? А мы-то, мы-то, бедные... Сколько работаем на бульдозерах и, оказывается, ничего в них не поняли... Теперь учить нас будут!

— А кто это такой — Яценко?

— Где-то раньше на Кузбассе работал.

— Та-ак. А мы — на Волго-Доне. Конечно, где уж Волго-Дону за Кузбассом угнаться! Так, что ли?

Однако на лекцию Никандра Петровича собрались все. Прослушали внимательно, но кое-кто, выходя, все-таки покрутил головой:

— На словах-то оно, безусловно, складно выходит.

А Яценко, выходя вместе со всеми, спросил:

— А что же я не вижу, кто в ночную смену идет?

— Как в ночную?

— А разве вы ночью не работаете?

— Так ничего же не видно...

Яценко предложил прорабам поработать ночью.

— Но ведь качество работ плохое будет...

— Хорошее будет качество. Только отметки-колышки мне поставьте.

Поставили колышки. Норма была сто шестьдесят кубометров грунта за смену. Яценко за четыре часа ночной работы переместил двести сорок кубометров. Качество оказалось отличным. Многие бульдозеристы не спали. Ходили следом, смотрели. И ничего не поняли: бульдозер тот же, условия работы труднее, а выработка непонятно высокая.

На следующий день Яценко подошел к самолюбивому бульдозеристу, который вчера ворчал больше других.

— Давай вместе поработаем.

— Да что тут вместе... Ну, давай,— неожиданно согласился тот.

— Машина у тебя, брат, не отрегулирована. И труднее тебе работать, и непроизводительно. Смотри. Затратишь пятнадцать — двадцать минут на регулировку — целую неделю хорошо работать будет. И износ меньше, и машина не капризничает.

Смотрели, слушали.

Яценко показал им совершенно новый — траншейный — способ выемки грунта. Выработка увеличивалась. Кончалось тем, что вчерашний скептик отбрасывал свое самолюбие и снимал шапку:

— Спасибо, Никандр Петрович.

— На здоровье. Поезжай!

Бульдозерист весело вскакивал в кабину и начинал работать.

— Подожди! — кричал ему вслед Яценко.

— Что, Никандр Петрович? — с улыбкой высовывался тот из окошка.

— Зачем доски передавил?

— Так они тут везде накиданы...

— Слушай, неужели не понимаешь, что за доски государство деньги заплатило? Тебе трудно объехать?

— Ну, ладно уж ругаться-то, Никандр Петрович. Учту,— смущенно говорил рабочий.

Через неделю снигиревские бульдозеристы стали давать почти вдвое большую выработку. Теперь они с гордостью называли себя учениками самого Яценко.

Газета еще раз подробно написала об этой учебе снигиревцев. На всех участках канала рабочие и прорабы изучали по газете новые методы работы. Выработка возросла повсюду.

А в самой Снигиревке бульдозеристы, взбудораженные славой и открывшимися перед ними перспективами, продолжали размышлять. И нашли способ еще больше увеличить выработку. Оказывается, если траншейный метод Яценко применит комплексная бригада нескольких бульдозеров, можно выработку повысить еще больше. Впервые в практике бульдозеристы отказались от помощи скреперов и сами стали возводить трехметровые дамбы с сорокапятиградусными откосами. Появились новые имена новаторов: Лыткин, Сорока, Ананьев, Нечаев, Клубенко и многие другие. Бригады Сороки и Лыткина больше чем вдвое перекрывали нормы и экономили по тринадцать тонн горючего в месяц.

* * *

В редакции Иван Петрович Дьяченко разбирал почту из Снигиревки и делал надписи: «В подборку по внедр. комплексн. метода», «К соревн. с Каховской ГЭС», «На ковш экскаватора — сатира», «В подборку за повыш. проектн. произв. машин».

В комнату вошел Яценко. Редактор обрадовался:

— Видите, Никандр Петрович? Ваша работа!

— Почему моя?

— Да вы же и завербовали в Снигиревке столько корреспондентов. После вашего отъезда оттуда все писать начали. Да и не только оттуда... Как дела?

— В Дарьевку уезжаю.

— Надолго?

— Совсем перебираюсь. Там работы больше.

— Ну, значит, скоро и в Дарьевке у нас корреспондентов прибавится. А как же дом, что себе построили?

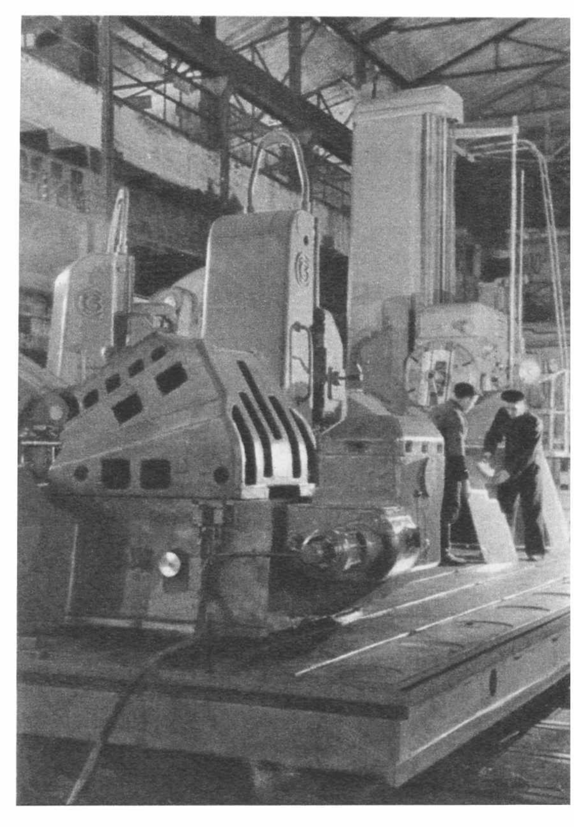
— Зря, пожалуй, построил. Рановато оседать... Думаю, надо к новым делам готовиться.

— К каким?

— В эту зиму бульдозеры почти не работали. А я так прикинул: и зимой тоже работать можно. Иногда даже лучше, чем летом. Только готовиться к этому надо сейчас, с весны. Вот оставляю заметку. Тут мои соображения... В Дарьевку приедете?

— Обязательно.

Запорожье.

Универсальный станок, изготовленный на заводе имени Свердлова.

Фото И. Фетисова.

Весна 1953 года

Встречный

По Неве плывут белоснежные льдины. Они движутся почти сплошной массой, ударяясь о гранит набережных и опоры мостов.

— Ладожский лед пошел,— говорят металлисты Ленинградского завода имени Сталина, выходя из проходной на берег.

Навстречу по широкой железнодорожной колее паровоз тянет транспортер.

— Куда держишь путь? — спрашивает машиниста турбостроитель.

— В гидротурбинный, за лопастью для куйбышевской...

Куйбышевская!.. Казалось, совсем недавно речь шла о проектировании этих гигантских машин, а ныне их уже начинают строить.

В широком пролете гидротурбинного цеха высится первая модель лопасти рабочего колеса. Обычно завод изготовлял водяные турбины небольшими партиями, а для Куйбышевской ГЭС предстоит выпустить крупную серию. Деревянные модели, из какого бы прочного дерева их ни делали, не могут выдержать большого количества отливок, поэтому модель лопасти отлили из чугуна. Это новинка.

— Вот она, первая ласточка, смотрите! — показывая на лопасть, говорит начальник цеха А. А. Груздев. — Завтра отправляем на Ново-Краматорский завод. Там по модели будут производить отливки.

В рабочем колесе шесть таких лопастей. На отливку каждой из них пойдет несколько десятков тонн металла. А общий вес одной куйбышевской турбины превысит полторы тысячи тонн.

Для обработки небывалых по размерам и весу деталей требуются и новые станки. Их создают на Ленинградском заводе имени Свердлова. Длина нового универсального станка — восемь метров. На нем можно обрабатывать лопасти, валы и другие детали гидравлических турбин весом до ста тонн каждая. Станок обладает высокими скоростями и снабжен новейшими механизмами.

Выпуск первой куйбышевской гидротурбины намечался на 1954 год. Металлисты приняли встречный план, решив изготовить ее досрочно — в нынешнем году.

К. ЧЕРЕВКОВ

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР К. Е. ВОРОШИЛОВУ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ Ч. Э. БОЛЕНОМ

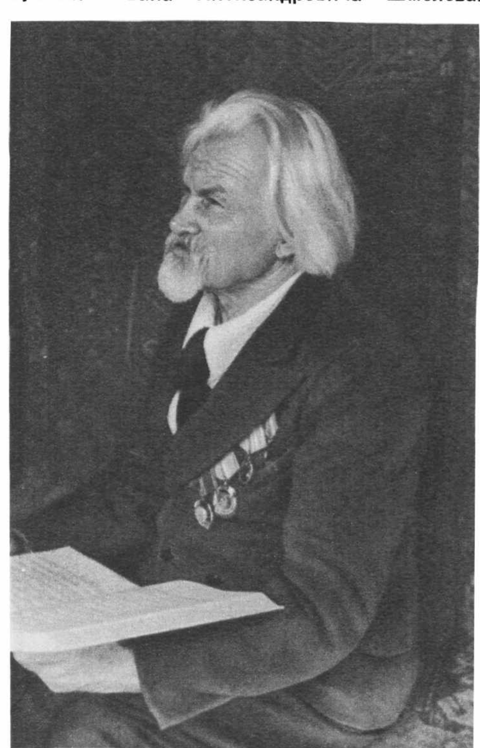
20 апреля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Соединенных Штатов Америки в СССР Ч. Э. Болена, вручившего свои верительные грамоты.

При вручении Послом верительных грамот К. Е. Ворошилов и Ч. Э. Болен обменялись речами.

Фото Дм. Бальтерманца.

Старейший учитель-музыкант

Сочи. Сталинский проспект. Сплошная стена полустолетних кипарисов. В старом доме — небольшая квартира учителя пения и музыки Ивана Александровича Шмелева.

И. А. Шмелев.
Фото Н. Лебедева.

В начале апреля исполнилось шестьдесят лет его педагогической и музыкальной деятельности и восемьдесят лет со дня рождения.

На стенах, полочках, этажерках портреты выдающихся русских артистов — Собинова, Неждановой, Пирогова, не раз бывавших в этом доме.

Свою педагогическую деятельность И. А. Шмелев начал в воронежском церковном хоре. С большим трудом он поступил в учительскую семинарию, стал сельским учителем. Затем Московская консерватория. Молодой Шмелев мечтает стать скрипачом, потом у него ярко проявляются композиторские способности, и он переходит в класс выдающегося теоретика музыки профессора С. И. Танеева.

Окончив консерваторию, Шмелев возвращается в Сочи. Здесь он живет более полувека.

Старые газеты... Старые, пожелтевшие от времени афиши и программы концертов, которые давал Иван Александрович со своим хором... Сколько их! Вот афиша о том, что «2 января 1911 года в театре общественного собрания имеет быть музыкально-литературно-вокальный вечер. Участвует смешанный хор в 130 человек, оркестр балалаек, мандолин и гитар под управлением И. А. Шмелева». На стенах висят афиши и программы таких же концертов за 1903, 1906, 1907 годы.

Особенно плодотворно работает И. А. Шмелев, народный учитель, музыкант и композитор, в годы советской власти. Он преподает в школах, руководит большим хором, сам пишет музыку.

В период Великой Отечественной войны Иван Александрович со своим хором обслуживал госпитали. Много он работает и теперь, несмотря на преклонный возраст. У Ивана Александровича не было своих детей. Но детский смех не перестает звучать в его квартире. Иван Александрович усыновил семь детей, дал им образование. Они стали инженерами, агрономами, научными работниками. Семью Ивана Александровича по праву называют «большой семьей».

Правительство высоко оценило беззаветный труд Ивана Александровича и наградило его орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Н. ТЕРЕБЕНИНА

Троллейбус в рабочем поселке

Троллейбус на линии Нижне-Исетск — Уралхиммашзавод.
Фото Ю. Добронравова.

Прозвучал гудок — и из ворот завода выходят рабочие. Многие садятся в троллейбус, который теперь останавливается на площади у завода. Раньше приходилось идти 2 километра пешком до кольца — конечной остановки в поселке Нижне-Исетск — или ехать на автобусе. Теперь троллейбусная линия удлинилась на 2 километра.

Первые троллейбусы пошли в Свердловске в октябре 1943 года, в суровые дни Великой Отечественной войны. Тогда машины курсировали только между улицей Фрунзе — Нижне-Исетском. Затем линия дошла до вокзала, а теперь — до Уралхиммашзавода.

Протяженность троллейбусных линий в Свердловске достигает 18 километров.

Уже идет строительство новой линии — от улицы Белинского до стадиона металлургов. В этом году она тоже войдет в строй.

Н. РОЗИНА

Весна 1953 года

Чай убирает машина

На плантациях Лайтурского совхоза имени С. М. Кирова появились новые машины. Вот одна из них продвигается вдоль шпалер чайных кустов, аккуратно подрезая их. Машина заменяет ручной труд большого числа работниц.

Впервые в истории механизации сельского хозяйства Грузии создается парк разнообразных машин, заменяющих ручной труд на самых сложных этапах возделывания и сбора чая.

Перед нами оригинальная конструкция чаеподрезочной машины «ЧУГ-1,6», разработанная агрономом Н. Костава. Трехколесный самоходный агрегат одинаково хорошо приспособлен к условиям работы на равнинах и склонах гор. Кроме подрезки, с его помощью можно производить подкормку и культивацию, а при дополнительном приспособлении— и сбор зеленого чайного листа. В 1953 году чаеводы Грузии получают 300 таких машин.

Впервые в мире в нынешнем сезоне на плантациях колхозов и совхозов Грузии начнется механизированный сбор чая. Много столетий существует эта древнейшая из сельскохозяйственных культур. И каждый год по весне выходят на плантации девушки и обирают руками густозеленые чайные кусты.

Уже давно движутся по хлебным нивам комбайны, машины убирают и лен и хлопок. Только чай до последнего времени все еще собирался вручную. Попытки создать машину, способную производить выборочный сбор чая, долгое время не увенчивались успехом. Из трех — четырех тысяч флешей (побегов), имеющихся на поверхности одного квадратного метра куста, годны для сбора лишь триста—четыреста. В густой зеленой массе надо найти те флеши, которые следует сорвать в определенном месте и именно сейчас. Сборщица зажимает стебель между пальцами и, скользя по нему вверх, обрывает его там, где начинает прощупываться хрупкая масса. Если сорвать вместе с побегом огрубевшую часть стебля, это отрицательно отразится на качестве чая. Как же тут обойтись без человека, без его чувствительных пальцев, зорких глаз? Может ли машина заменить человека?

— Да, может! — доказал своей практической работой молодой коллектив Грузинского государственного специального конструкторского бюро, возглавляемый кандидатом технических наук Ш. Кереселидзе.

Созданная этим коллективом чаесборочная машина, которая выйдет в 1953 году на сбор чайного листа, при помощи ряда стержней выполняет движения человеческих пальцев. Конструкция позволяет «прощупывать» и срывать лишь полнозрелые флеши. Новая машина во много раз ускоряет сбор чайного листа.

Появление чаеподрезочных и чаесборочных машин на плантациях Грузии знаменует начало механизации наиболее трудоемких сельскохозяйственных работ в советских субтропиках.

И. МЕСХИ

Механизированный сбор чайного листа чаесборочной машиной в Лайтурском совхозе имени Кирова.

Фото С. Короткова.

Теплоход толкает баржу

Вверх по Волге идут первые караваны с бакинской нефтью. Теплоход «Художник Крамской» толкает баржу «Аму-Дарья». За один рейс караван перевозит столько же горючего, сколько доставляют десять железнодорожных составов.

Фото И. Романова.

Массивная и широкая, груженная нефтью так, что над водой виднеется только палуба, наливная баржа плывет по Волге, разрезая носом спокойную речную гладь, поднимая пенные буруны.

Впечатление такое, точно баржа движется самостоятельно, без чьей-либо помощи. Но вплотную к корме пристроился небольшой буксирный теплоход. Он толкает баржу вперед, упершись носом в корму: форштевень прочно закреплен в специально оборудованном стальном гнезде.

Необычный караван уверенно маневрирует на широком плесе Волги под ярким весенним солнцем. Проплывают оживленные пристани большого волжского города, ажурные фермы нависшего над рекой моста, стены и башни древнего астраханского кремля.

Долгий путь предстоит каравану по Волге. Останутся за кормой и Сталинград, и Саратов, и Куйбышев — до самого Горького поведет баржу «Аму-Дарья» теплоход «Художник Крамской».

Навигацию 1953 года на Волге вместе с теплоходом «Художник Крамской» открыли однотипные с ним буксирные суда «В. Васнецов», «И. Левитан» и другие, специально оборудованные для толкания барж.

Толкание барж — новое в технике речных перевозок — широко применяют впервые весной 1953 года. Как показали опыты, проведенные в прошлом году по инициативе капитана теплохода «В. Васнецов» В. В. Пермякова и капитана-наставника Волготанкера А. К. Русакова, толкание значительно ускоряет движение караванов, снижает расход топлива и уменьшает износ судовых двигателей. Если караван с нефтью, ведомый на буксире, идет от Астрахани до Горького 20 суток, то с теплоходом-толкачом этот путь покрывается за 2 недели.

В нынешнем году начинание В. В. Пермякова осваивается многими волжскими капитанами. Сам Владимир Васильевич будет производить опыты по толканию караванов, состоящих не из одной, а из нескольких барж. Всего по Волге в 1953 году должно быть перевезено методом толкания свыше 600 тысяч тонн нефти.

С. МОРОЗОВ

Электричество — на поля!

В 1952 году сельское хозяйство потребило почти в четыре раза больше электрической энергии, чем в 1940 году, а мощность всех электроустановок в колхозной деревне за это время возросла почти в пять раз. Электромотор, электрический агрегат сегодня можно увидеть во многих колхозах: и за Полярным кругом и в горах Тянь-Шаня. В 1953 году будет электрифицировано еще 1 660 колхозов, в основном закончена электрификация всей обширной сети машинно-тракторных станций. В общем в колхозах и различных сельскохозяйственных предприятиях установят свыше 40 тысяч электродвигателей.

Намного увеличивается применение электромашин в животноводстве. Число ферм, имеющих автодоильные установки, достигнет почти 5 тысяч. В колхозы, обеспеченные электричеством, особенно в районах великих строек коммунизма, начали поступать очень удобные и дешевые в эксплуатации электроводокачки без башен. Электромеханическая подача воды и автопоение будут оборудованы еще на 7 800 фермах.

В нынешнем году на колхозные поля выходят электротракторы новейшей серии. Хотя это машина опытного назначения, но по сравнению с прошлыми она имеет серьезные конструктивные улучшения, которые подсказаны инженерам водителями-стахановцами. В 1953 году на полях будет работать раза в три больше электротракторов, чем прежде. Прежде всего эти машины предназначены для электроМТС, которые в соответствии с указаниями XIX съезда партии создаются в зонах орошения ростовских степей, куда уже поступает электроэнергия от Цимлянской ГЭС.

Электротрактор в колхозе имени Ленина, Зеленчукского района, Ставропольского края. На переднем плане: бригадир тракторной бригады П. П. Кравченко (слева) и механик Кардоникской МТС И. И. Мельников проверяют качество пахоты.

Фото Г. Аракельяна (ТАСС).

Еще не стих ветер в аэродинамической трубе, а исследователи — заведующий лабораторией промышленной вентиляции В. В. Кучерук (справа) и старший научный сотрудник В. В. Батурин — уже намечают пути воздушных потоков внутри будущего завода.

Фото Г. Рыжова.

ХОЗЯЕВА ВОЗДУШНЫХ ПОТОКОВ

Еще в коридоре слышится приглушенный шум мотора. Перешагнув порог, попадаешь в сильную струю воздуха, вылетающего из большой трубы.

Похожая на неуклюжий пропеллер крыльчатка, многочисленные измерительные приборы и сама труба занимают все помещение аэродинамической лаборатории. В потоке воздуха, несущегося в трубе, установлен маленький, словно игрушечный, тщательно сделанный из бруска дерева заводской корпус.

Экспериментатор прикладывает к модели тонкую, длинную резиновую трубку с иглой на конце. Вначале кажется, что он прикладывает ее куда попало. Однако, внимательно присмотревшись, замечаешь, что жало иглы каждый раз погружается в одно из множества крохотных отверстий, просверленных на поверхности модели. И сразу же красный столбик манометра, прикрепленного к другому концу трубки, начинает скользить по шкале, указывая давление.

Идет очередной опыт в вентиляционной лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института охраны труда ВЦСПС. Само название института говорит о задачах, определяющих его деятельность.

В 1918 году В. И. Ленин подписал декрет «Об инспекции труда» — первый в истории человечества документ, возведший в непреложный государственный закон обязанность строго контролировать соблюдение правил охраны труда и техники безопасности на промышленных предприятиях молодой Советской республики. А в 1925 году впервые в мире был создан Центральный институт охраны труда, положивший начало научно-теоретическим и экспериментальным исследованиям в этой области.

Здоровые условия труда — это прежде всего изобилие свежего воздуха в течение всего рабочего дня.

Как решить такую задачу?

На первый взгляд это кажется очень легко: необъятный воздушный океан окружает нас со всех сторон. Достаточно открыть ему доступ в помещение — и проблема разрешена. Но в действительности дело обстоит не так просто.

Как создать зимой и летом нормальную температуру, влажность, как убрать из воздуха вредные пары и пыль, как удалить отработанный воздух, уберечь работающих в горячих цехах от теплового перегрева и, наконец, упростить, удешевить устройство вентиляционных установок — вот далеко не полный перечень вопросов, на которые отвечает лаборатория.

...Экспериментатор быстро записывает показания приборов. Умолкает мотор. Опыт закончен. На белом листке длинная колонка цифр — данные проведенных замеров в каждом из полутора тысяч отверстий, сделанных на модели. Перед исследователем таблица давлений воздушных потоков на боковые и фасадные стенки, на крышу миниатюрного завода. Это своеобразная метеосводка. Она говорит о силе, направлении и скорости ветра в различных частях модели еще не построенного или уже существующего завода. Нам рассказали, что подобное испытание принесло только одному из цехов московского предприятия 200 тысяч рублей экономии. Когда на модели были точно определены места наилучшей тяги воздуха, то выяснилось, что вытяжные фонари нужно располагать намного реже, чем предполагалось.

Метеорологу для научного предсказания погоды необходимы карты с нанесенными на них данными метеосводок. При составлении же схемы естественной вентиляции не обойтись без чертежа завода, на который нанесены результаты опытов, проведенных в лаборатории. Вот здесь воздух не будет перемещаться сам, а тут, подобно водопаду, он устремится с одного участка на другой. Вечный, невидимый странник, он всегда ищет самый легкий для себя путь. В задачу лаборатории входит всецело подчинить его воле человека, заставить передвигаться по заранее заданным маршрутам. Раз выбранные, они не должны зависеть от направления ветра. К тому же надо учесть огромные объемы «перевозок» на таких магистралях. Так, для поддержания нормального состояния воздуха в кузнечном цехе большого автомобильного завода нужно ежечасно пропускать здесь до трех миллионов кубических метров воздуха.

Сколько пришлось потрудиться над несложным на вид воздушным фонарем — отверстием для вытяжки отработанного воздуха, прежде чем придти к последней конструкции, гарантирующей тягу при любом направлении ветра! Ее рождению предшествовала серия опытов: вместо воздуха модель, положенная в металлический лоток, омывалась потоком воды. Легкий блестящий металлический порошок, плавая на ее поверхности, серебряными нитями вышивал путь струй. Десятки, сотни раз меняли наклон и взаимное расположение плоскостей, пока затейливый пунктир серебряных завитушек и вееров не подсказал опытному глазу исследователя, что желанный результат достигнут.

Но в ряде производств одной естественной вентиляции недостаточно.

Нам показывают застекленную камеру, которая позволяет определить состояние атмосферы внутри любого горячего цеха. Расположенные тут ящички с песком подогреваются электричеством до нужной температуры, соответственно повышая температуру в самом «цехе». Соединенные с камерой приборы позволяют установить наиболее целесообразный и рациональный воздухообмен в ней.

У прожорливых топок котлов, у мартенов, прокатных станов, на кондитерских фабриках организм человека много энергии тратит на защиту от жары. В горячем цехе рабочий выпивает за смену 50—60 стаканов воды. Колоссально увеличивается нагрузка на сердце и почки. Как справиться с перегревом? На помощь естественной вентиляции приходят установки, сконструированные в институте.

В широкий, сильный поток вентилятора направляют тоненькую струйку воды. Она дробится на мельчайшие капельки и, оседая на теле, одежде, создает постоянную, все время обновляемую влажную прослойку. Испаряясь, вода уносит избыток тепла. Такой водо-воздушный душ, одно название которого содержит в себе сочетание столь желанных в жару слов, можно легко переносить с места на место и регулировать вручную.

Возле паровых турбин и им подобных агрегатов часто устанавливается так называемый воздушный оазис. Полутораметровые щиты окружают рабочего с трех сторон. Подобно зеленому заслону деревьев в пустыне, они преграждают путь жаркому дыханию. А прохладный воздух заполняя оазис, создает в нем свой, более умеренный микроклимат.

Зимой в тех цехах, где постоянно открыты ворота, с врывающимся сюда холодом успешно вступает в единоборство завеса теплого воздуха, нагнетаемого специальным вентилятором. Мощным фронтом наступает тепло на своего холодного «противника», преграждая ему доступ в помещение.

Ряд производств связан с испарениями вредных для организма веществ — паров кислот, бензина, с пылью пескоструйных аппаратов, точильных камней. Такие пары и пыль необходимо словить на месте, не дать им расползтись по помещению. И вот спроектированы «арканы» — специальные бортовые отсосы для ванн, наполненных летучими кислотами, защитные зонты и вытяжные шкафы.

Зоркое «око» фильтров различных систем не пропустит ни одну, самую крохотную пылинку. А к тому же пыль драгоценных металлов, красителей — ценное вещество. Такую пыль нельзя бесхозяйственно выбрасывать в атмосферу. Ее удерживают на своих электродах электрофильтры.

Достижения передовой советской науки, охраняющей здоровье рабочего, весь опыт лаборатории промышленной вентиляции Института охраны труда ВЦСПС впервые в мировой практике обобщены в книгах ее старейших работников В. В. Батурина и В. В. Кучерука. Книги называются «Вентиляция машиностроительных заводов» и «Основы промышленной вентиляции». Изложенные здесь принципы, правила и расчеты служат основным руководством для проектирования вентиляционных установок не только на предприятиях Советского Союза, но и стран народной демократии.

В двух книгах — плоды труда исследователей, отдавших более двадцати пяти лет своей жизни развитию науки об охране труда советского человека.

И. ДОНСКАЯ,
С. ИКОННИКОВА

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ

Робер Феликс умер в возрасте 25 лет. Он повесился.

Я только что кончил читать дневник Робера, где он записывал свои самые сокровенные мысли. Перевернув последнюю страницу, я встаю из-за стола еще более убежденный, что это было не самоубийство, а убийство.

Убийца — капиталистический строй.

* * *

Из школы Роберу пришлось уйти на шестнадцатом году жизни. Он долго не мог найти себе применения. Он согласен был на любую работу, лишь бы почувствовать твердую почву под ногами. Три года назад ему повезло: он устроился посыльным в «солидном» месте — в банке «Контуар насьональ д'Эсконт», Париж, улица Ружмон.

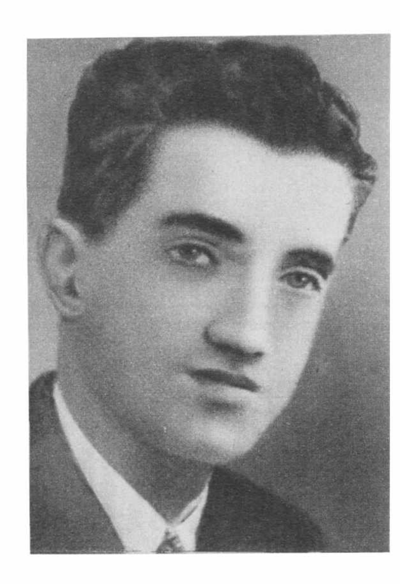
Стать человеком! На его языке это значило: честно трудиться, подниматься со ступеньки на ступеньку по лестнице жизни, делаться умнее, образованнее.

Прошло некоторое время — и Робера допустили, в порядке испытания, к работе на механографе. Это была машина, автоматически обрабатывающая клиентские карточки. Робер был горд. Он дал себе слово на новом деле показать себя с лучшей стороны, работать четко, безупречно,— ведь в конце концов это обеспеченный кусок хлеба.

Но вскоре первые тучи начали собираться над головой юноши. Администрация дала понять, что он непригоден.

— Слишком слаб физически!

Да, **физически!** Человек, обслуживающий сложную, хитроумно сконструированную машину, для дирекции банка был лишь простой мускульной силой. Робер сделал все возможное, чтобы отвести от себя угрозу. Он предъявил удостоверение медицинской экспертизы. Повод для увольнения отпал, и Робера Феликса утвердили в должности. Надолго ли?

Ему было 25 лет...

Машина

Уже не первый год в банках Парижа идет постепенная механизация операций при помощи всякого рода счетных машин, механографов, автоматических картотек. Но владельцы банков — прежде всего предприниматели. Они желают как можно скорее вернуть себе затраты, понесенные на покупку этих машин. Поэтому машины должны работать на полный ход! А люди... люди пусть поспевают, пусть поворачиваются быстрее!

Робер много места посвящает в своем дневнике машине, на которой работает, описывает ее устройство, ее капризы и достоинства. «Моя сортировка» — называет он ее с иронической ласковостью. Но потом записи приобретают иной характер.

«16 апреля 1952 года... Велели временно остановить работу нескольких машин. Причина? Дирекция «Контуар насьональ д'Эсконт» решила подсчитать себестоимость для банка работы, выполняемой каждым служащим... Говорят, что затраты на эти машины, купленные у фирмы Бэлл, не окупаются... Поэтому нам намекнули, что надо работать еще быстрее. Дирекция будет принимать строгие меры, вплоть до увольнения, против саботажников». (Тут Робер Феликс, должно быть, опомнился: он зачеркнул слово «саботажников» и написал: «неумелых».)

Машина стала роком для Робера. Между ним и машиной развертывалась борьба за жизнь. Он все чаще отмечает в дневнике несправедливые выговоры начальства — ведь он так старается, работает быстро, очень быстро. Но нет, он должен работать еще быстрее. Что ж, он добьется этого!

«17 апреля... Сегодня,— пишет с тревогой Робер, — мадемуазель Прево, молодая девушка, которая работает на машине «РПД», была наказана. Она не получит премии. В чем ее вина? Она, кажется, из-за спешки перепутала два пакета карточек...»

Через неделю было сделано предупреждение самому Роберу. Его упрекали в том, что он сгибает карточку перед тем, как вставить ее в машину. Юноша оправдывался: «Меня так обучал делать механик...» В ответ администратор только пожал плечами.

За Робером Феликсом неустанно следил чей-то невидимый глаз — за каждым его движением, за мимолетной передышкой, за малейшим замедлением темпа, даже за отлучками в уборную. Дикий ритм работы выматывал силы, к концу дня Робер изнемогал от усталости.

Однажды он почувствовал себя больным. Но заболеть — значит очутиться на улице. Нет, он выдержит, он должен выдержать!

Падающего — толкни

Дирекция могла бы помочь Роберу советом, инструктажем. Нет, она делает все, чтобы утопить его. На лицах, в глазах начальников Робера написана постоянная угроза: увольнение! Ему все чаще говорят, что он не дает «должной выработки», что он работает плохо. Вокруг него создают атмосферу обидного пренебрежения: оставался бы этот парень посыльным — все равно рано или поздно его попросят убраться...

Робер убеждается, что хозяйские шпики следят за ним не только на работе, но и в квартале, где он живет и где продает иногда молодежную газету «Авангард». Да, от него решили избавиться во что бы то ни стало...

Все это Робер записывает в дневник, который лежит передо мной: угрозы, насмешки, глумление. Он все время как над пропастью. Нервы напряжены до крайности: любой иронический взгляд начальства превращает его существование в кошмар.

Но вот надвигается новая беда. Здание банка не весьма приспособлено к «механизации»: карточки и другие документы приходится переносить из отдела в отдел, Робер рассказывает об этом в своих записках:

«6 мая. Объявлен приказ: служащие, работающие на «сортировке», должны по очереди разносить готовые карточки по отделам. Первым в очереди — я... Шеф сказал кому-то: «Этот парень, видно, доволен, что может на время забыть свою машину... Пусть бы прямо сказал, что таскать ящики с карточками — более подходящее для него дело!»

Робера чаще, чем других, назначают на эту «верблюжью» работу — так окрестили ее служащие. «Они хотят довести меня до того, чтобы я сам попросил убрать меня с машины, и сделать чернорабочим», — пишет он в дневнике.

Меж тем машина выматывает из Робера последние силы. Окрики сыплются дождем — темпы, темпы! Но и в дни, когда Робер работает «верблюдом», ему бросают в спину насмешливые замечания: он, оказывается, слишком много времени тратит, таскаясь с этажа на этаж...

Развязка

Однажды Робер робко попросил администрацию выдать ему удостоверение о «профессиональной пригодности» к работе в банковском деле. Обычно эту формальность выполняют без всяких проволочек. Роберу ответили: «Это не для вас — это для образованных».

Робер начинает учиться по ночам. Он заводит книги, тетради. Я видел его записи — они аккуратны и говорят о хороших способностях. Как хорошо, должно быть, работалось ему, когда он оставался один! Без изнурительной спешки, без угроз, без шпионажа...

Однажды ему намекнули, что у него не вполне приемлемые знакомства. Какие?

— Да вот, знаете, профсоюз... молодежная организация...

Это переполнило чашу. Голова идет у него кругом. Он больше не вынесет этого!.. Теперь Робер ненавидит до глубины души проклятую машину, и чем больше ненавидит, тем чаще у него случаются оплошности. Он уже не может не отставать от машины — боязнь делает его неловким. Робер становится все более хмурым, нелюдимым; у него дрожат руки, дома наедине с собой его охватывают неожиданные приступы ярости...

13 января нынешнего года Робер получил от администрации письмо, составленное в равнодушно-вежливом стиле.

«Мосье! — говорится в письме.— У вас уже было произведено удержание 10% из новогодней премии ввиду недостаточности ваших показателей выработки... Если в течение трех месяцев положение не изменится, дирекция банка будет вынуждена...»

Через шесть недель пришло второе письмо:

«Вы не будете больше числиться в нашем штате с 31 марта... Следуемую вам сумму в полный расчет можете получить...

Благоволите, мосье, принять наши уверения...»

Робера Феликса выгнали с работы. Он медленно шел по городу, возвращаясь домой с тощим конвертом, где лежали заработанные деньги — окончательный расчет. Придя к себе, Робер слег, он не в силах был держаться на ногах. Пролежав несколько часов в постели, он поднялся, оделся и пошел убивать себя.

Двадцать пять лет...

Робер Феликс не выдержал. Другие умеют бороться, они борются против бесчеловечных условий труда, против всей тягостной жизни, порождаемой капиталистическим строем. Они борются для того, чтобы изменить жизнь, а не для того, чтобы уйти из нее. Товарищи Робера по работе на следующий день после его смерти дружно выступили против потогонных норм, против превращения «механизации» в убийство людей.

В прощальном письме к друзьям Робер объясняет: «Я не мог... Машина... Невыносимые темпы... Угрозы... Потом — увольнение...»

Робер Феликс завещает свои книги товарищам. Последняя фраза его письма гласит: «Мои спортивные принадлежности отдайте Габи... Холст на моей туристской палатке совсем еще новый, ребята могут ее использовать, если хотят...»

* * *

В своем труде об экономике социализма Сталин писал: «...нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд рабочих, и, так как в СССР нет безработицы, рабочие с большой охотой используют машины в народном хозяйстве».

В том мире, который построим мы, коммунисты Франции, машина будет другом человека. Она будет источником энергии и радости, а не страданий и смерти.

СВЕТЛЕНЬКАЯ

Из книги «Чудесная сила»

Б. ГАЛИН

Рисунки О. Верейского.

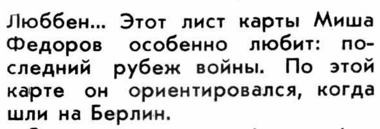
Ложбинка была затянута изморозью. Снег, сползая, обнажал бугор и прошлогоднюю траву. Струйки, точно живые, сновали под тонкой хрустящей коркой льда. Михаил сбросил рукавицы и черными, в угольной пыли, руками свернул папироску. Но курить почему-то не стал. Сидя на влажном широком пне, щурясь от слепящего солнца, он глядел вдаль — до боли в глазах... Солнце искрилось, сияло, в воздухе что-то переливалось, дрожало, сверкало; казалось, вместе с ветвями вздрагивая от ветра, дерево поворачивалось к солнечному теплу. Михаил сидел, не шевелясь, точно боялся спугнуть очарование пробуждающейся земли. Он дышал глубоко, всем своим разгоряченным лицом ощущая весенний крепкий воздух. Пробив кулаками тонкую корку льда, он опустил ладонь в холодную журчащую весеннюю воду.

Небо стало чище, светлее, и весенние дали казались бесконечными. На сердце было горячо и радостно. Вспомнилось последнее катино письмо: обещала приехать ко Дню Победы.

«Гамма пластов»... Так прозвал ее Гурин, ведущий конструктор. Сейчас она на шахте у Теличко вместе с механиком-наставником Степанченком внедряет горный комбайн. В письмах она зовет его Догадкой... Да, на «трудненькое» послал ее Алексей Кузьмич Гурин!

Михаил встал и нехотя, медленно пошел к дому. Он все еще полон был ощущением весенней дали и молодого солнца, слепящего глаза. И, войдя в свою комнату, не раздеваясь, подошел к окну, словно весна не отпускала его от себя...

Около кровати Михаила на тонком ремне висел офицерский летный планшет; сквозь целлулоид просвечивал квадратный лист карты. Планшет — трофейный, к Мише он попал на Одере при захвате немецкого аэродрома. На карте, потертой на сгибах, — пометки, сделанные синим карандашом: Грюнберг, Губен, Зоммерфельд, Христианштадт, Котбус,

Люббен... Этот лист карты Миша Федоров особенно любит: последний рубеж войны. По этой карте он ориентировался, когда шли на Берлин.

В углу планшета — фотография Кати Ромащенко. Маленькая фотография, величиной с марку. Снималась Катя в госпитале, после форсирования Днепра. Волосы коротко острижены, на высокий нежный лоб свисает прядка волос. Тоненькая шея выглядывает из широкого ворота гимнастерки. Тонкие, вразлет, брови, чуть хмурый взгляд.

Михаил любил показывать эту фотографию. Всем Катя нравилась, только Иночкин, помощник главного инженера шахты, вскользь взглянув на нее, протяжно сказал:

— Простенькая...

Это обидело Михаила. «Простенькая» форсировала Днепр, с боями прошла до Одера... Офицер-топограф. Михаил называл ее ласковым словом «нареченна». Дружба у них была давняя, с фронта. После войны они вместе учились в Донецком индустриальном институте. Преддипломную практику проходили на одном заводе, вместе испытывали опытную конструкцию горного комбайна, а затем их послали на шахты внедрять новую машину.

Михаил открыл планшет, достал из него командирскую блок-книжку в волнистом плотном переплете с выпуклой звездой. Михаил дорожил этой тетрадью: привез ее с войны. Ему нравилось перебирать чудом сохранившиеся полуистлевшие копии листков боевых донесений. Он писал эти донесения под копирку. Вот одно из них, помеченное сорок третьим годом. Буквы расплылись, но Михаил узнал: это — Сваромье. На Днепре.

Соседом справа была тогда чехословацкая бригада. К Михаилу в блиндаж пришел от них офицер связи, маленький, ловкий и стройный надпоручик в хорошо пригнанной шинели. Они вместе уточнили обстановку, и надпоручик вписал в блок-книжку Михаила: «До встречи на Влтаве. Хорошо?» Влтава — это река, на берегах которой стоит Прага...

Где он теперь, этот маленький, веселый надпоручик?

Михаил лежал, отвернувшись к стене, разглядывал планшет с берлинским листом карты и катиной фотографией. С грустью и горечью думал он о том, что вот ему пошел уже двадцать девятый год, а как мало сделано для горного искусства. Правильнее, конечно, было бы сказать — для горного дела, но слово «искусство» больше нравилось Михаилу. «Звучит красивее», — с улыбкой подумал он.

В прошлом, надо сказать, коекакие заслуги у него имеются. Путь пройден немалый. А здесь? Одно слово — внедренец. Инженер по внедрению горных комбайнов.

Правда, ведущий конструктор широко толкует это понятие. Если послушать его, то внедренец должен быть чуть ли не начальником участка, партгруппоргом.

В коридоре послышались шаги.

— Вот и я,— весело сказала Катя, прикрывая за собою дверь.

Михаил рванулся, вскрикнул звонко:

— Катя?!

Она была в шинели, голова повязана платком.

— Да помоги же...— улыбаясь, сказала Катя. Ее жизнерадостные глаза сияли, она сбросила рукавички, стянула сапоги и озябшими пальцами стала расстегивать шинель. Резким движением головы скинула на плечи платок.

— Вот и я,— снова сказала она.

Он подвел ее к окну, поближе к свету, радостно вглядываясь в ее милое лицо, взял ее озябшие руки в свои и нежно сказал:

— Катя... С осени не виделись.

Она была в вязаной кофточке с выпущенным поверх белым воротничком от блузки. В волосах и на ресницах еще блестели капельки дождя. Катя притянула Михаила к себе и прижалась холодной тугой щекой к его щеке. Потом тряхнула головой — волосы рассыпались, и она перехватила их сзади узкой лентой. Чуть отстранившись, она посмотрела на Михаила и залилась таким веселым смехом, что он даже смутился.

— Хорош! — сказала она.

Сила, здоровье были во всей фигуре молодого горного инженера, ее товарища и друга Михаила Федорова. Командирский ремень стягивал гимнастерку, ворот был расстегнут, на ногах — сапоги с короткими голенищами... В общем он имел вид веселого, отчаянного хлопца.

После первых приветствий и расспросов Михаил напоил Катю горячим чаем.

Они сели рядышком, лицом к окну.

— Трудно? — спросил Михаил.

— Втянулась,— улыбаясь, говорила Катя. Она стала рассказывать о своей встрече с главным инженером треста Дорофеевым, и лицо ее вспыхнуло. — Феодал! — и стукнула туго сжатым кулачком по подоконнику.— Хотел отвадить нас... И все это, Миша, с улыбочкой: «Хотите проявить характер...» Поехали мы с ним на шахту к Теличко, лаву выбирать. Он и по дороге свое тянет, поет: «Вязкий,— говорит,— у нас уголь, товарищ Ромащенко...»

Катя вытянула вперед свои крепкие руки со следами въевшейся угольной пыли и сказала с наивной гордостью в голосе:

— Сама взялась за ручки машины, сама повела ее...

Она откинула со лба волнистую прядь волос.

— И знаешь, что привлекло его к нашей конструкции? — спросила она, приблизив свои широко раскрытые светлоголубые глаза. — Упорством взяли! Он думал — я убеждена, — что мы повозимся, повозимся и уйдем. Геологические условия тяжелые. Колчедан! Ну, да не на тех наскочил. В самой лаве нашлись настоящие люди. Один Теличко чего стоит! Крепкий, упрямый мужик. Золотой горняк. А мне лично, знаешь, Миша, твои письма очень помогли. И лозунг твой — находить себе многих!

Михаил смутился. Лозунг, собственно говоря, принадлежал не ему, а ведущему.

Михаил спросил:

— А что, Катя, старичок этот, Догадка...— он кивнул головой на дверь,—с тобой приехал?

— Приехал,— Катя усмехнулась. «Старичок»!.. Как не идет это слово к Дионисию Петровичу. По годам-то он и правда старичок, но по энергии, по самой жизни своей он моложе иных молодых. Дионисий Петрович — настоящий человек.

Сгустились сумерки, и Катя едва различала лицо Михаила, не видела, улыбнулся ли он этим ее словам: «настоящий человек». Наверное, улыбнулся. Ей и самой смешным казались иногда эти ребяческие оценки: «настоящий человек», «приблизительный человек»... Но Дионисий Петрович — в этом Катя была твердо убеждена — принадлежал к тем, о которых она уверенно могла сказать: «Справжня людына!» И настоящее это выражалось в механике-наставнике как-то очень просто, без особых усилий с его стороны. Он был таким — вот и все.

Однажды Дионисий Петрович, просматривая ее дневник внедрения, наткнулся на это определение — «настоящий человек».

— Это хорошо,— сказал он,— иметь отчетливое представление о людях. — Вдруг на лице его заиграли морщинки, и, прикрывая ладонью смеющиеся глаза, он добавил просто и серьезно: — Человек, Светленькая,— понятие подвижное...

Он называл ее на первых порах барышней, потом, на шахте, стал звать Светленькой.

Катя рассказала Михаилу о том, как Степанченок поехал по шахтам собирать накопленный горняками-рационализаторами опыт и внедрять малую механизацию. Он взял с собой Катю. Это был замечательный семинарий-практикум. Катя увидела интересных людей, глазами механика-наставника стала всматриваться в окружающий ее мир. И какой же он прекрасный, этот подземный мир, где люди добывают уголь! И как живо и просто механик-наставник, этот старик с прядками седых волос, торчащими изпод кепки, умеет находить людей с живыми мыслями! «Апостол малой механизации» — так звали его на шахте. А Гурин, ведущий конструктор, называл его Догадкой.

— Почему Догадкой? — спросил Михаил.

Когда в первый раз Катя встретилась с механиком-наставником, ей это тоже было непонятно. А оказалось очень просто. Беря в руки деталь или рассматривая сделанный от руки карандашом тут же, в лаве, набросок какого-нибудь рационализаторского предложения, Степанченок, если предложение приходилось ему по душе, вскидывал голову с седыми прядками и одобрительно говорил: «О, догадка!» Он придавал огромное значение тому, что сам называл словом «уразумение».

— Вещь надо делать прочно, — тихим голосом говорил он, держа на ладони какую-нибудь деталь.— Служит людям!..

Суровый и даже хмурый, Дионисий Петрович очень мало говорил — в этом они с Катей как-то быстро сошлись характерами.

Когда они впервые поехали на шахту, Дионисий Петрович с присущим ему тактом и деликатностью сказал, что если она хочет чему-нибудь научиться и потом учить других, если хочет внедрять комбайн, то должна сама хорошо водить машину.

— Ручками, ручками, — сказал он и сделал такое движение, точно повел машину вверх по лаве.

И она научилась водить комбайн и стала учить этому других.

Однажды в лаве, внимательно слушая слитный гул работающей машины, Дионисий Петрович сказал Кате:

— Экое это удовольствие, милая барышня,— хорошую работу видеть!

Осветив катино лицо своей лампой, он показал руками: дескать, вбирай, охватывай умом... И протянул ей свою фляжку с отваром из фруктов, предлагая попить.

— Я человек запасливый, — негромко сказал он.

Они поднялись на поверхность. У Кати был, наверное, смешной и жалкий вид. Полторы смены в лаве очень утомили ее. Рукавом брезентовой куртки она вытирала потное, усталое, разгоряченное лицо. Степанченок глянул на девушку из-под темных кустистых бровей, глаза его блеснули, и он сказал:

— Что, Светленькая, устала?..

С этого-то трудного дня, после полутора смен, проведенных вместе, он перестал называть ее барышней.

Она незаметно взглянула на себя в карманное зеркальце, и ее охватило счастливое чувство: «Вот я какая!.. Светленькая...»

Степанченок, как и многие шахтеры, любил присесть на корточки у стены конторы и, оглядывая небо, медленно, с наслаждением курить, вдыхать свежий воздух. Он и Катю приучил — не курить, конечно, а жадно оглядывать небо и землю и дышать полной грудью. В тот день, присев с ним рядом, Катя, осмелев, спросила, откуда все-таки пошло это слово — «догадка». Степанченок ответил не сразу. Его маленькие, окруженные морщинами живые глаза остановились на катином лице.

Слово это — «догадка» — принадлежит великому ученому-физиологу, человеку, девизом которого было: «Наблюдение, наблюдение, наблюдение». Да, Павлов, Иван Петрович Павлов подсказал ему, Степанченку, это слово. Не довелось механику-наставнику видеть Павлова, но он слышал его слова привета, обращенные к слету горняков Донбасса. Когда это было? В январе тридцать шестого, Светленькая...

Слова эти он хорошо помнил, потому что сам был на слете, когда зачитывали телеграмму от Ивана Петровича. Он до сих пор помнит их и сейчас процитирует Кате. Катя видела, как он усмехнулся: слово «цитировать» здесь не подходит.

— «Всю, — говорит, — мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический, и, пожалуй...— медленно, потише и раздумчиво, будто это была павловская интонация, говорил механик-наставник — и, пожалуй, даже больше второй. А особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую догадку, то есть соединял голову с руками».

Чувствуешь, Светленькая: соединять голову с руками... А по-нашенски,— сказал Дионисий Петрович,— по-нашенски это значит: к вещи прикладывать мысль. Згодна? — веселым, звучным голосом спросил он и легко вскочил на ноги.

И Катя в тон своему наставнику живо отозвалась:

— Згодна!.. Согласна, Дионисий Петрович!

— Вот, Миша,— задумчиво говорила сейчас Катя, поглядывая в потемневшее окно,— бывают такие люди: на что ни взглянут, к чему ни притронутся, все оживает. Такой и Дионисий Петрович. — Она помолчала, усмехнулась чему-то и продолжила: — Ткнет пальцем в чертежик — и тихонько скажет: «Сие приемлемо».

— Практика, опыт, — заметил Михаил и уверенно заключил: — Дело наживное...

Катя, помолчав, усмехнувшись, сказала:

— Да, наживное...

Катя очень была благодарна Дионисию Петровичу. Вот уж действительно наставник: умный, добрый, располагающий к себе... Какое счастье — после института работать с таким вот человеком! Опыт, практика — дело наживное. Ну да, наживное-то наживное, но сколько нужно видеть, наблюдать, щупать руками, чтобы накопить этот опыт, сколько угольной пыли наглотаться!..

И еще одна черта поражает Катю в Степанченке: его широкодушие, как мысленно про себя называла Катя эту черту Дионисия Петровича. Всем, что он знал, он делился, щедро одаряя людей своим умением, своим опытом. А опыт у него был громадный.

— Слушала я первую его лекцию,— рассказывала Катя. — Вышел старичок на трибуну. Чистенький, весь в морщинках... Одернул свой китель, глянул на схемы чертежей, висевшие на стене, взял в руку указку, потом шагнул вперед и глянул в зал: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Михаил удивился:

— Стихами начал?

Катя движением головы сказала: да, стихами.

— Пушкин!.. А племя,— чуть помедлив, продолжала она, — племя, Миша, смотрело на него, не дыша... Дионисий Петрович обвел всех повеселевшими глазами и говорит: «Ну, а теперь будем знакомы...» И начал со своей биографии. «Вместо введения»,— сказал он. Интереснейшая биография! В гражданскую воевал с оружием в руках, экспроприировал — понимаешь, Миша? — экспроприаторов, выполняя ленинское указание. У него, знаешь, есть и печатные труды.

— Труды? — переспросил Михаил.

— Да. Печатные труды! «Опыт малой механизации». Показал он младому племени свои труды и сказал: «Владейте и умножайте». Он, знаешь, настоящий тип старого русского рабочего...

Она задумалась и долго молчала. Когда она с Дионисием Петровичем внедряла конструкцию машины в лаве у Теличко, а потом разъезжала с ним по шахтам, как-то не было времени задуматься о нем... А сейчас она вдруг отчетливо увидела и поняла, к какому человеку, в чьи руки, заботливые, отцовские и добрые, передал ее ведущий конструктор.

И, подумав об этом, Катя крепко сжала руки Михаила. Китель сполз с ее плеча, и движением плеча она поправила его. Катя весело рассмеялась.

— Ты чего?

Продолжение на 17-й странице.

В. Гаврилов. НА РАССВЕТЕ. (Молодые изыскатели).

Всесоюзная художественная выставка 1952

А. Левитин, Ю. Тулин. СВЕЖИЙ НОМЕР ЦЕХОВОЙ ГАЗЕТЫ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

М. Поплавский. РАССКАЗ СТАРОГО КОНОГОНА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Весна 1953 года

Первый рабочий наряд

Над притихшей стройкой гулко раздавались удары топора. А было время обеда. Это и заставило прораба Шрубова еще раз подняться наверх.

На участке бригады плотников стоял на коленях светловолосый парень и яростно вколачивал гвоздь за гвоздем в желтые, неструганные доски опалубки. Александр Перепечкин, вчерашний ученик минской школы ФЗО № 1, выполнял на строительстве жилого дома по Ульяновской улице свой первый рабочий наряд.

Глядя на новичка, Анатолий Титович Шрубов невольно улыбнулся:

— Пора, голубчик, обедать.

Парень замялся:

— Знаю, Анатолий Титович... Да боюсь, с заданием не справлюсь.

— Вот, если не пообедаешь, так действительно можешь не справиться. Смотри: больше половины уже сделал.

Молодой строитель посмотрел на дело рук своих и увидел, что прораб прав: почти вся опалубка секции была готова. Подумал, вскочил на ноги и сказал:

— Ну что ж, я пошел! — и, торопливо прибрав инструмент, по-мальчишески, вприпрыжку устремился вниз.

А Шрубов спускался, не торопясь. На лице его сохранялась все та же добродушная улыбка. Ему, кадровому строителю, было приятно наблюдать за юношей, для которого, как и для многих его товарищей, нынешняя весна оказалась весной большой трудовой жизни.

В. ПОНОМАРЕВ

А. Шрубов и А. Перепечкин.
Фото А. Дитлова.

— Стою на дороге,— вспомнила Катя,— жду машины... Дождь, холодно, ветер продувает. Подошла грузовая. Водитель глянул на мою шинель, на сапоги, забрызганные грязью, и вдруг делает широкий жест: «В кузов! — и спрашивает, кивнув на Степанченка: — Ваш папаша?» «Мой»,— говорю. А он смеется, водитель-то. «Все в кузов! — командует.— По случаю наступающего праздника — Дня Победы — бывших фронтовиков возим бесплатно».

Катя замолчала. Оба они задумались. Завтра День Победы.

— Я получил письмо от гвардии полковника Кельбаса, — сказал Михаил.— Перешел на мирное житье: делает игрушки для детей.

— Игру-ушки?..— протяжно сказала Катя.

Игрушки! Это как-то не вязалось с обликом гвардии полковника Кельбаса. А когда-то этим словом «игрушки» они называли другие предметы — танки, снаряды, стволы орудий.

Михаил встал и выдвинул из-под кровати большую коробку с образцами игрушек, которые прислал командир полка гвардии полковник Глеб Кельбас.

— В Москве на Всесоюзной конференции сторонников мира Глеб демонстрировал свою мирную продукцию. Народу, говорят, очень понравилось...

Михаил зажег настольную лампу с зеленым абажуром. Мягкий свет упал на руки, перебиравшие яркие игрушки: разноцветные шары с голубем мира, раскинувшим белые крылья, зайчат, которые тоненько пищат, если на них легонько нажать, маленькие раскрашенные фигурки. Это все сделано в мастерской промысловой кооперации, а руководит мастерской Герой Советского Союза дорогой товарищ Глеб Кельбас, тяжело раненный в бою при форсировании Одера. Михаил и Катя почему-то называли его по имени — Глеб. У Михаила хранилась его фотография. Сейчас они разглядывали ее. Плотный, широкоплечий офицер с жесткими чертами лица. На груди звезда Героя. На обороте фотографии любимый командир написал: «Участнику Новопавловской операции...» В полку эта операция так и называлась — Новопавловская. У Михаила сохранилась даже схема боя.

Они отцепили ниточки, и шары — голубые, синие, оранжевые,— точно на белых крыльях голубей, плавно поднялись вверх и прижались к потолку.

— Помнишь,— сказала Катя, — как он вместе с нами пел дивизионную песню?.. Сперва она была полковой... Кажется, сержант Егоров ее написал... Запели ее под Красным Лучом. Подумать только, что вот где-то здесь, под боком, в каких-нибудь десятках километров от места, где мы сейчас с тобой сидим, шел бой за высоту «Яблочко»! Помнишь, так на карте называлась эта высотка?

Михаил силился вспомнить слова песни и, размахивая рукой, стал напевать...

— Постой,—сказала Катя и прикрикнула: — Постой, говорю!

И вполголоса запела:

Идут бойцы стальной стеной...

Идут бойцы на грозный бой,—

подхватил Михаил.

Пусть песня грянет в этот час!
Вперед, вперед за наш
Донбасс!..

Пропев всю песню, стали вспоминать, когда же запел эту песню полк? В апреле или в мае сорок второго? До боев за высоту «Яблочко» или после?

Михаил кинулся к своему планшету, который висел на стене. Они разложили на столе старенькую, потертую на сгибах карту, и хотя карандашные пометки — синие и красные — уже выцвели, но они легко сориентировались, все ожило в их памяти.

Михаил взял стоявшую на окне лампу-технадзорку и зажег ее. Пучок света лег на лист.

Карта снова повела их в бой за высоту «Яблочко». Красный Луч, Хрустальная, шахта 7—8-бис, Княгиневка, Новопавловка... Когда это было? В ночь с 19 на 20 мая 1942 года. В хорошую майскую ночь.

Катя спросила:

— А севастопольский лист у тебя сохранился?

Михаил и его сберег — лист памятного боя за Севастополь.

А в Севастополе сочинили новую песню.

— Какое смешное слово — «сочинили»! — протяжно сказала Катя, будто пряча за этой фразой охватившее ее волнение.

— Сложили...— сказал Михаил, глядя на нее блестящими глазами.

— Да... Именно сложили. В бою сложили.

И Михаил медленно затянул:

Там снаряды гремят, там
пожары дымят.
Балаклава в огне потемнела.
Но стоит Севастополь,—

подключилась Катя, —

И герои стоят
За великое правое дело...

Эту «Севастопольскую боевую» пели медленно, величаво, а ту, донбасскую,— в быстром темпе. Хорошие песни! По ним можно всю войну увидеть.

Там, под Севастополем, их пути разошлись. Михаил был ранен и после выздоровления уже не попал в свою часть. Довоевывать, как он сказал, пришлось в другой части.

Катя стояла у окна.

Михаил подошел к Кате. Она доверчиво придвинулась к нему и, чувствуя теплоту его плеча, стала вспоминать ту страницу их юной жизни, что называлась форсированием Одера.

Одер... Сколько было пройдено от Вислы до Одера? Пятьсот семьдесят километров! И в каких условиях! Пятьсот семьдесят километров по грязи, по дорогам, раскисшим от весенней распутицы, по непрочному, рыхлому льду... А подошли к рубежу Одер в ночь на 1 февраля. Река была затянута густым туманом, какая-то мокреть сыпалась сверху. К рассвету прорвались на западный берег. И Кельбас, командир полка, с ног до головы забрызганный грязью, с мокрым лицом, раскинув руки, сказал: «Наше!»

Сколько слов и понятий вошло в их юную жизнь в эти военные годы, и каждое слово оставляло в душе глубокий след, кровью отпечатывалось в сознании!

— Вот скажешь: «Фогельзанг»,— Катя медленно и отчетливо произнесла это чужое слово.— Скажешь, и внутри что-то поворачивается... — И маленькой ладонью своей она сделала кругообразное движение около груди.— Что-то тяжелое поворачивается.

Этот населенный пункт называли ключом к Берлину. Она хорошо помнила, будто вчера принимали кодограмму командира дивизии: сковать противника у Фо-

гельзанга и уничтожить его на рассвете, тем самым дать подразделениям возможность продвигаться... А майор Плютович, ведя бой, сказал открытым текстом: «Он снова идет в атаку». Он — немец. «Противник при поддержке самоходных орудий идет в атаку в направлении моего батальона». И ответ Кельбаса (она до сих пор помнит слова его команды): «Подпустить их на 20—30 метров, выкосить, а из самоходок сделать свечи». Самоходки противника были подожжены, Кельбас сказал: «Хорошо горят свечи...»

И она же передавала кодограмму Кельбаса, командира полка:

«Во исполнение вашего приказа 18.2.45 г. в 24 часа противник был скован полком у Фогельзанга.

На рассвете обходным маневром разбит и уничтожен полностью.

Ключ к Берлину — Фогельзанг — взят и с 8 часов 19.2.45 г. находится в надежных руках.

Укрепляю свой передний край».

Вот какие это были кодограммы... Как песни!

А Михаилу при форсировании Одера запомнилось одно только слово командира полка.

«Темп, Федоров, темп»,— открытым текстом сказал он, давая понять, что сейчас, при прорыве, фактор времени играет решающую роль. Снаряды стали ложиться близко. Справа и слева. Три перелета. Потом все ближе и ближе. Голос полковника стал отдаляться, звучать все глуше и глуше. Федоров звал его: «Отец! Отец!» И вдруг все звуки куда-то разом исчезли, словно их поглотила земля. Густой темносерый туман, низко бродивший по земле, надвинулся со всех сторон и душил со страшной силой. Михаил хотел сбросить с себя темнозеленую плащ-палатку, он хотел крикнуть, но тьма поглотила его голос и сознание. Медленно оседала земля, шурша и заглушая стоны людей. Он задыхался и с трудом перевел дыхание.

Михаил пролежал в завале девятнадцать минут. Его откопал старый сапер Сугоняко. Сапер поднял его на руки и отнес в укрытие. Он распорол на Михаиле гимнастерку и обнажил синюю разбухшую грудь. Михаил увидел над собой краешек голубого неба. А когда огонь усилился, сапер склонился над раненым, прикрывая его своим большим грузным телом.

Михаил почувствовал себя детски-беспомощным. Оглохший, контуженный, он не в силах был шевельнуть пальцем. Острая жалость к себе и к товарищам, откопанным, но мертвым, вызвала в нем слезы. Он беззвучно заплакал. Огрубевшими руками сапер гладил его спутанные волосы. Да, если бы не Сугоняко, он вряд ли бы увидел белый свет...

...Так они стояли у окна, вспоминая каждый свое. Потом запели тихонько песню, сочиненную или сложенную сержантом Егоровым в апреле 42-го. И оба вздрогнули, услышав, что за стеной кто-то им подпевает. Катя замолчала. А Михаил сказал:

— Это Пантелеев... Штатпроп! — И крикнул: — Костя!

Действительно, пел Пантелеев, штатпроп.

Он открыл дверь в комнату Михаила. Стоя на пороге, сказал:

— Услышал, как вы поете, и... — он приложил руки к груди,— само запело...

Потом посмотрел на Михаила и одними только глазами спросил его: «Она?..»

— Она! — сказал Михаил и вдруг весело и звонко воскликнул: — Она самая, по ком сердце плачет!

— Вот вы какая! — сказал Пантелеев, пожимая руку Кате.

Катя вскинула голову.

— Что, другая? — сказала она.

Пантелеев поглядел на Катю и просто сказал:

— Другая...

По рассказам Михаила Катя представлялась ему хрупкой, бледной. А тут стояла крепкая, скуластенькая девушка в накинутом на плечи кителе.

— Я много слышал о вас,— мягко улыбаясь, сказал Пантелеев. — Много хорошего,— поспешно добавил он, заметив, что Катя метнула в сторону Михаила сердитый взгляд.

Она стояла посреди комнаты, придерживая обеими руками полы мишиного кителя. Перехватив взгляд штатпропа, покраснела: она была без сапог, в толстых, шерстяных, ручной вязки носках.

— Где вы впервые запели эту песню? — спросил Пантелеев.

Михаил показал на лежавшую на столе карту.

— На речке Хрустальной,— сказал он.

И теперь они уже втроем склонились над листом карты. Пантелеев обрадовался: ведь они же соседи!.. Полк, в котором служил Пантелеев, тоже стоял тогда в Донбассе.

— И мы тоже,— сказал он,— пели хорошую песню:

От голубых сибирских рек
К боям чонгарской переправы
Прошла Тридцатая вперед —
В пламени и славе.

— Хороша,— тихо сказала Катя и задумчиво добавила: — Настоящая песня!

Кто-то позвал Пантелеева, и он ушел, напевая на ходу песню. Михаил взял свой планшет и, бережно укладывая на место карту, выронил на стол несколько разноцветных зубчатых марочек. Отчего-то смутившись, он стал поспешно впихивать их обратно, но от его резких движений из планшета высыпались еще марки.

— Все еще собираешь? — спросила Катя.— У меня тоже есть марки!

— Какие там марки?! — закричал Михаил и оглянулся по сторонам.

Катя поняла: он не хочет, чтобы другие знали об этой его страсти. Но почему?..

— Эх, ты, курчавый! — сказала Катя, улыбаясь.— В армии не стеснялся, показывал...

И она высыпала на стол из спичечной коробки много припасенных ею для Михаила марок. Особенно долго они разглядывали марку Болгарской Народной Республики; может быть, это была одна из первых выпущенных после победы нового народного строя: крестьянин и крестьянка работают в поле, вяжут снопы. И надпись: «БЪЛГАРИЯ». С твердым знаком.

Михаил вынул тетрадь в потертом переплете, на листах которой были наклеены старые марки. На первой странице круглым, отчетливым почерком было выведено: «Начал собирать 1 сентября 1934 года».

Да, он начал собирать марки еще в детском доме, где воспитывался. Все его сверстники увлекались собиранием марок. И Мишей Федоровым овладела эта страсть. Он продолжал коллекционировать и по окончании школы, когда был студентом, и в армию он ушел, унося с собою из мирной жизни эту старую, потрепанную тетрадь с марками.

На фронте, в полку, его так и прозвали: филателист Федоров. Командир батальона, ставя перед ним задачу, нередко говорил: «Вот, филателист, полоса твоего наступления». И, странная вещь, никто почему-то не смеялся над ним. Иногда, правда, подшучивали, но не зло, а даже как-то мягко и ласково.

Склонившись над раскрытой тетрадью, Михаил и Катя с интересом разглядывали марки нашей страны. Первой, которая, собственно, и положила начало мишиной страсти, была марка «Будь готов к труду и обороне!» Звезда и юный физкультурник, в сильном, стремительном беге рвущий ленточку финиша.

Михаил осторожно перевернул страницу. Как ни красивы были многоцветные красочные марки второй и третьей пятилеток, но Михаилу особенно дороги были три маленькие марки далеких лет — двадцатых годов, — простенькие и скромные. На каждой внизу стояла надпись: «Голодающим». Вот какое это было время!.. Голод в Поволжье... И на машинах, на кораблях, на паровозах, изображенных на марках, голодающим идет помощь — хлеб, хлеб, хлеб...

Вот марка 1923 года. Первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка. Сеятель широкой горстью берет из лукошка семена. Сеятель... И оба задержались на этой марке, переносящей нас в то далекое-далекое время, когда тракторов еще не было в сельском хозяйстве. Впрочем, тогда же, словно в предвидении будущего, была выпущена марка с изображением 15-сильного трактора. Но это — только будущее. А пока сеятель в лаптях и онучах, с лукошком в руках...

Вот марки с изображением рабочего, крестьянина, красноармейца в буденновке. А вот марки, посвященные 20-летию Перекопской битвы: красноармеец в буденновке, держа винтовку в руке, широким взмахом другой руки зовет бойцов на последний, решительный штурм. И Чапаев в бурке протянутой вперед рукою показывает пулеметчику цель. Конники идут на рысях с поднятыми саблями, и Сталин стоит в санях, приветствуя их. Он в шинели и в меховой шапке. А рядом Калинин в поле, в простой рубашке-косоворотке, точит косу. И он же работает за станком, и он же — всесоюзный староста — выступает перед народом.

Вот наши люди штурмуют Север, идут к нему на ледоколах, зимуют на Северном полюсе, пересекают его на самолетах — Чкалов, Байдуков, Беляков. Глядя на эти марки, так и слышишь ставшую историей чкаловскую радиограмму: «Все в порядке... Все в порядке...»

— Знаешь, Миша, — сказала вдруг Катя,— вот какая у нас жизнь, вся на виду! — И она ладонью ласково похлопала по страницам с наклеенными на них марками.

И Михаил согласился с нею: да, наша жизнь вся на виду — чистая, светлая, всему миру открытая.

Они листали страницы тетради, разглядывали марки, словно вновь переживая свою юность — ту, из которой их вырвала война...

Китайских марок было очень мало. А хорошо бы иметь их побольше! Ну, скажем, марки с портретами Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ, марки с изображением китайских партизан, китайских рабочих, китайских крестьян, великой реки Янцзы, той самой могучей реки, которую китайская Народная армия так блестяще форсировала...

— Интересно,— сказал Михаил, подняв голову над тетрадью,— как они провели эту операцию по форсированию Янцзы...

— На сподручных средствах, должно быть,— отозвалась Катя...

Ее маленькая жестковатая рука со сбитыми ногтями на миг задержалась на марках.

— Вот бы узнать,— мечтательно сказала Катя,— какие у них там, в Китае, пласты, гамма углей какая... А? Как ты думаешь, Миша?

— Свободная вещь!.. — засмеялся Михаил. — Поедем с тобою для обмена опытом и узнаем на месте, какая у них гамма пластов.

Эти слова — «гамма пластов» — он произнес очень ласково.

«А кто знает,— улыбаясь, думала Катя,— может, и придется когда-нибудь побывать на берегах Янцзы...» И она еще раз тихо и задумчиво произнесла это далекое, но ставшее сейчас очень близким, короткое и звонкое слово «Янцзы»...

Несколько минут они сидели молча, и когда Михаил взглянул на Катю, она дремала, уронив голову на согнутые в локтях руки. «Устала», — с нежностью подумал он.

Она еще что-то проговорила сонным голосом и вдруг на полуслове замолчала. Михаил боялся пошевелиться. Он бережно накинул ей на плечи свою шинель. Поеживаясь, прижавшись щекой к плечу Михаила, Катя сонным голосом, глубоко вздохнув, что-то пробормотала.

Слушая сегодня катин рассказ, Михаил лучше и глубже понял и Катю и то, какой силой обладает этот тихонький старичок механик-наставник, апостол малой механизации, как сумел повлиять он на судьбу Кати! Она, конечно, оставалась все той же Катей, «гаммой пластов», худенькой, хмурой девушкой, которая воевала рядом с ним у Красного Луча... Но вместе с тем — и сегодня он особенно отчетливо это увидел — в ней произошла какая-то перемена. Перемена к лучшему, думал он, всматриваясь в ее лицо. Кажется, исчезла хмурость, Катя стала более живой, скажем так: более обращенной лицом к людям. «И я, должно быть, стал другим,— решил про себя Михаил,— другим в том смысле, что «жизнь во внедрении», надо полагать, обогащает человека. Что-то отходит, что-то приходит. Вот так, милая моя Катя...»

Он дунул, и светлая мягкая волнистая прядка заколыхалась, Михаил бережно и нежно заправил эту прядку за маленькое катино ухо.

Кате, видимо, стало жарко, она пошевелилась, поудобнее устраиваясь на скамье, китель сполз с плеча. Она чему-то улыбнулась, слегка раскрыв губы.

— Светленькая...— тихо сказал Михаил.

„ПУТЕШЕСТВИЕ" ВНУТРИ ЧАСОВ

Громадные часы кажутся небольшими.

Р. ЕВГЕНЬЕВ

Фото Е. Умнова.

На зеленых Ленинских горах, над сверкающей Москвой-рекой, высится белокаменная громада Дворца науки. Высотное здание МГУ так велико, что охватить его взглядом можно, лишь отойдя на значительное расстояние. И вот, когда смотришь издалека на десятки стеклянных поясов-этажей, мощные ростральные колонны, башни, взметнувшуюся к небу граненую иглу сияющего шпиля, то не сразу замечаешь темный циферблат часов. Величайшие в мире, гигантские часы кажутся миниатюрными, и от этого с особой остротой воспринимаешь всю грандиозность высотного здания.

Чтобы добраться до башенных часов, нужно подняться сначала на скоростном лифте до восемнадцатого этажа, сделать там пересадку на другой лифт, а потом уже долго взбираться по лестницам.

— Часы установлены на высоте семидесяти шести метров от земли,— сообщает комендант высотного здания МГУ Павел Осипович Домашук.— На двух башнях здания имеются два часовых механизма. Они, как близнецы, похожи друг на друга. От механизмов приводятся в движение стрелки на четырех циферблатах. Часами-гигантами управляет у нас механик.

Поднимаемся все выше и выше. Наконец попадаем в большое, светлое помещение. Окрашенные трубопроводы, кабели и магистральные линии связи оплетают его стены и потолок. Вот стеклянная кабина, заставленная щитами с приборами и аппаратами. В кабине за чертежами сидит механик.

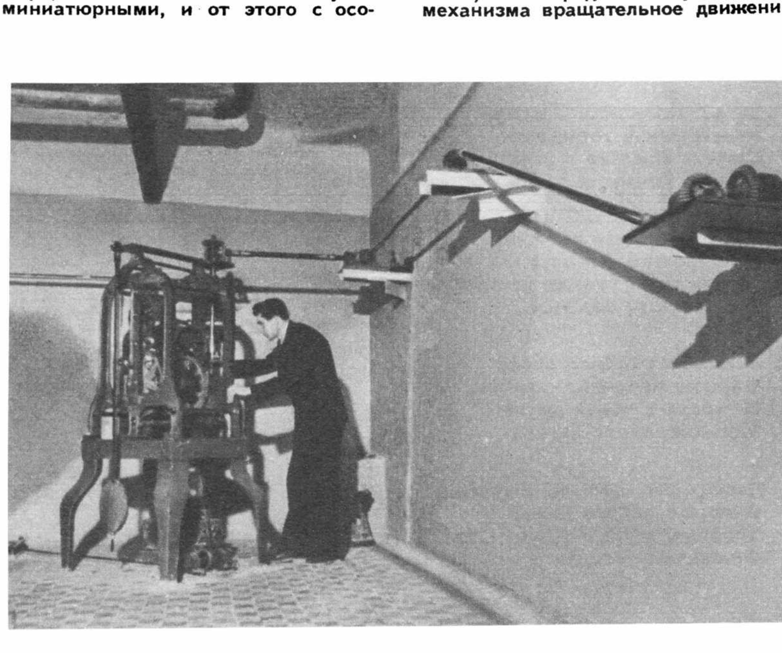
— Наш главный часовщик,— представляют нам Леонида Елисеевича Иванова.

Иванов открывает дверь и проводит нас в соседнее просторное помещение, чем-то напоминающее машинное отделение небольшой электрической станции. Тщательно выложенный плитками пол, окрашенные масляной краской стены освещены солнцем через круглое окно-иллюминатор. В глубине «машинного отделения» — огромный часовой механизм. Иванов подходит к нему. Рослый, плечистый мужчина заметно ниже часовой чугунной станины.

— Часы у нас не электрические и не пружинные,— говорит механик.— Действуют они, как громадные «ходики».

Механик ведет к пробитому в полу квадратному отверстию. Под ногами глубокая каменная шахта, прорезающая четыре этажа здания. В шахту опущен стальной трос с тяжелым грузом. Постепенно опускаясь вниз, груз тянет за собой трос, а тот раскручивает лебедку, установленную в часовом механизме. Лебедка, в свою очередь, вращает шестерни, приводит в движение маятник. Часовой завод рассчитан на семь дней; через неделю груз достигает конца шахты, и тогда с помощью лебедки его поднимают кверху, после чего вновь разматывается длинный трос.

Осматриваем уникальные часы, поражающие размерами всех своих деталей. От механизма тянутся металлические тяги — проводники. Сочленяясь друг с другом шестернями, они передают полученное от механизма вращательное движение редуктору, регулирующему количество оборотов.

В «машинном отделении».

Идем по «машинному отделению» и видим место, где тяги, соединяясь с редуктором, исчезают в стене. Механик открывает боковую дверь, и мы выходим в другое помещение, узкое и высокое.

— Находимся мы сейчас у внутренней стороны циферблата,— объясняет Домашук.— Металлический диск площадью в шестьдесят квадратных метров смонтирован на прочной конструкции, соединенной со стальным каркасом всей «часовой башни».

Между стеной здания и циферблатом образовалась эта своеобразная комната. Отсюда механик наблюдает за редуктором. Здесь он меняет лампы, освещающие циферблат и стрелки, производит смазку осей стрелок.

В центре колоссального циферблата открывается потайное окно. Выглянув наружу, видишь землю, скверы, асфальтовые дороги, ведущие к Дворцу науки; за плавным изгибом Москвы-реки возникает величественная панорама столицы. И только потом уже замечаешь отвесную, необычайно гладкую, темносинюю металлическую стену с какими-то непонятными золоченными предметами. Кажется невероятным, что четырехметровая балка цвета золота — это минутная стрелка, а гладкая стена — циферблат.

Над башней кружатся птицы. От стаи отрывается ворона и садится на золоченое острие часовой стрелки. Сидит она спокойно, с удобствами. С земли, конечно, не видят ни этой птицы, ни потайного окна, открытого сейчас в циферблате.

— Стрелки сделаны из нержавеющей стали и покрыты бронзовой краской,— сообщает Иванов.— Каждая стрелка весит восемьдесят килограммов, длина ее — больше двух человеческих ростов. На циферблате, подсчитали мы, уместится сто пятьдесят тысяч ручных часов...

Механик вынужден кричать в самое ухо; дует резкий, порывистый ветер, он бьет в лицо и с силой обрушивает свои удары на стрелки. Кажется, еще мгновение — и стрелки будут или сорваны или завертятся, как бешеные.

— Спасение от ветра — в редукторе, механизме, передающем движение от одного вала к другому с изменением числа оборотов,— объясняет механик.— От часового механизма редуктор передает движение стрелкам, обеспечивает равномерную скорость их движения, принимая на себя всю силу ветрового удара.

Возвращаемся в «машинное отделение». Иванов показывает маленькие контрольные часы, повторяющие показания больших, и говорит:

— Не бегать же мне вниз, чтобы узнать, какое показывают время наши часы. Проверку ведем здесь. Механизм очень хороший, простой, надежный. Века будет работать.

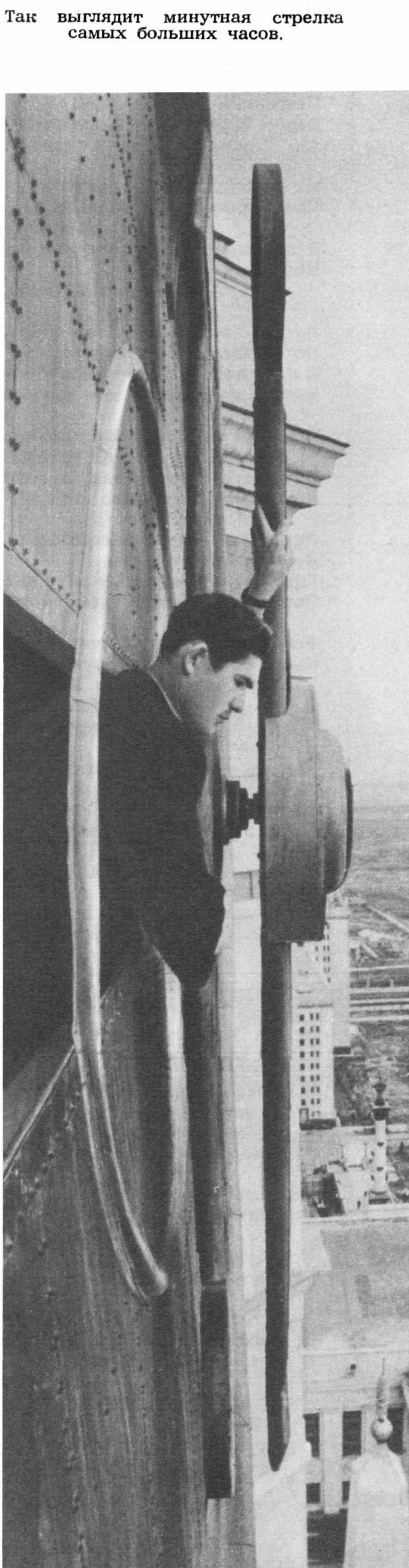
В это время приходят в «машинное отделение» строители часов-гигантов — начальник учебно-производственных мастерских Московского механического института Алексей Никифорович Владимиров и главный инженер Алексей Иванович Зуев. Они проверяют работу «своих» часов и готовятся к установке специального приспособления для автоматического завода механизма.

— Башенные часы раньше были редкостью, изготовлялись они вручную, и работа занимала многие десятилетия,— рассказывает А. Н. Владимиров.— Теперь у нас башенные часы выпускаются серийно; они стали необходимой принадлежностью многих зданий, промышленных предприятий, вокзалов, шлюзов, гидростанций. Сейчас мы готовимся к выполнению почетного заказа города-героя Сталинграда: на высотном здании, на берегу Волги, будут установлены самые совершенные башенные часы. Мы широко используем опыт, приобретенный во время постройки часов для высотного здания МГУ.

Алексей Никифорович сообщает, что на изготовление этих часов пошло около 9 тонн нержавеющей стали; мастерским пришлось сделать 25 тысяч всевозможных креплений — винтов, гаек, шайб.

— Приятно сознавать,— говорит тов. Зуев,— что по этим башенным часам будет идти вся жизнь во Дворце науки, и многие поколения студентов будут вспоминать их золоченые стрелки.

Так выглядит минутная стрелка самых больших часов.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЖИЗНЬ

Повстречались на исходе дня,
Я в глаза ее взглянул устало,
И спросила девушка меня:
— Вы б хотели жизнь начать
сначала!

Я собрался ей ответить: «Да!»
Но, ответу преградив дорогу,
Прожитые славные года
Рядом с сердцем выстроились
строго.

Из военной дали первых лет
Проступило вдруг виденье
детства —
В перекрестьях пулеметных лент
Штатские пальто
красногвардейцев.

Пусть малы мы были той порой,
Но остался бури отпечаток,
И в тридцатых становиться в строй
Выпало нам, ленинским внучатам.

Путь начать, допустим, нехитро,
Только как же я тогда проеду
Первым пробным поездом метро,
В нем увидев и свою победу!

Провожал я первый стратостат
В те лиловые высоты,
Где теперь в обычный рейс летят,
Звук свой обгоняя, самолеты.

Если жизнь теперь начну я вновь,
Как же я коснусь хасанской славы,
Как же я найду свою любовь
В мраке сталинградской
переправы,

Как же я увижу ту зарю —
Над рейхстагом красные знамена,
Как в своей судьбе я повторю
Пуск неповторимый Волго-Дона!

Девушка! Совсем не грустно мне,
Что так быстро годы пролетели.
Жили мы всегда в грядущем дне,
Путь был труден, но достоин цели.

За влюбленными следом пройду
По тропинкам мечты и надежды.

Поищу нашей юности след,
Поброжу еще ночью такою.
Что поделать, солидности нет
И не тянет к теплу и покою!

Юность — трудное счастье мое!
Были годы разлуки так долги:
На Амуре оставил ее
И встречаю сегодня на Волге.

ВСТРЕЧА

В Комсомольске гуляет метель,
А на улице столько влюбленных!
О сегодняшнем дне, о мечте
Разговор у заводов бетонных.

На попутном грузовике
Час назад в новый город
я прибыл,
Прокатясь на таком ветерке,
Что чуть-чуть не задохся, как
рыба.

И друзей и ночлег я найду
В этих светлых коттеджах.
Но прежде

ИЗ ВЕЧЕРНЕЙ ШКОЛЫ

Среди заводов и лесов
Гудков и вьюги перекличка.
От Киевского в ноль часов
Отходит электричка.

Просторен, полупуст вагон.
Застывшая немая сцена.
Вплывает в пригородный сон,
Закончив труд, вторая смена.

И лишь у белого окна,
Откинув с плеч платок пуховый,
Склонилась девушка одна
Над книжкою, давно не новой.

А я возьми да подсмотри,
Что книга та — учебник
школьный...
А ей, поди, уж двадцать три.
И стало сердцу как-то больно:

Так, значит, и тебе пришлось
Узнать военных лет печали!
...Квадраты света мчатся вкось.
Вагон причалил, вновь отчалил.

Людей сближает скорость, ночь,
Метель, мелькающие дачи.
Спросил я: — Можно вам
помочь
Решить по физике задачу!

— Нет, что вы, я решу сама,—
Она в ответ сказала просто,
И стала вдруг теплей зима,
И люди словно выше ростом.

И я в глазах ее прочел,
Что следующим поколеньям
Уже не знать вечерних школ
И ночи с книжкой на коленях.

...Сойду в снежинок карусель
И вьюжный путь легко начну я.
Уходит поезд сквозь метель
Куда-то дальше, в темь ночную.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕСНИ

Память сохранила точно
Тот далекий год и день
У границы у восточной,
Близ китайских деревень.

После боя и погони
Мир пришел на край земли,
И колхозники в погонах
К океану подошли.

И один запел негромко,
Что закончилась война.
Тихо пел, но и потомкам
Будет песня та слышна.

Пел он о своей далекой,
О березе над рекой.
Ветер повернул к востоку,
Переменчивый такой.

И по морю-океану
Нашу радость и печаль
Понесло в чужие страны,
В затуманенную даль.

Песня, как любовь, живая,
В легком лепете дождя
Уходила, оставаясь,
Оставалась, уходя.

И о той, что ждет в колхозе,
В Нагасаки пел слепой,
О невиданной березе
Негр мотив придумал свой.

Километры, версты, мили,
Сумрак трюмов, тюрем тьма.
Стала песнею о мире
Русская любовь сама.

Называют песню птицей.
Образ точен, хоть и не нов.
Я на западной границе
Побывал не так давно.

За рекою — острокрыший
Иностранный городок.
Шелест крыльев я услышал,
Был он близок и далек.

То летела наша песня
По Карпатам, вверх и вниз,
Как великой правды вестник,
Путешествуя без виз.

Много лет ходило слово,
Обошло весь шар земной,
И теперь с конца другого
Залетело вдруг домой.

Песня, как любовь, живая,
В легком лепете дождя
Уходила, оставаясь,
Оставалась, уходя.

Весна **1953 ГОДА**

Колхоз-новосел в тайге

Дорога в Советскую Гавань идет нетронутой тайгой, через быстрые горные речки и скалистые перевалы. Здесь, в дебрях Сихотэ-Алинской тайги, полвека назад был спасен от смерти лесными людьми — орочами отважный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев. За годы советской власти неприступная тайга изменила свой облик.

Первыми пришли сюда лесники. Вдоль трассы они создали леспромхозы с превосходной механизацией, и вскоре новый трест «Комсомольсклес» дал стране сотни тысяч кубических метров отличной древесины. А потом обживать тайгу потянулись колхозники из других областей страны.

Здешнему колхозу имени М. И. Калинина нет еще и года. Зима прошла в хлопотах по строительству, заготовке леса. И вот наступила первая для колхоза-новосела весна в тайге. Вместе с председателем колхоза коммунистом Сергеем Ильичом Пликовым мы шагаем по одной из новых улиц, густо усеянной пнями недавно сваленных деревьев. Где-то стучат топоры плотников. Навстречу нам идет колхозная автомашина. Закончив вывозку навоза на парники, она отправляется в Комсомольск за семенами. В конце улицы стоят новенькие тракторы «Сталинцы», канавокопатели и корчевальные машины для недавно созданной машинно-мелиоративной станции.

Невелик пока колхоз имени М. И. Калинина — 48 домов на трех улицах, буквой «П». Но уже 2 740 гектаров земли закрепило государство за артелью на вечные времена. Это и есть та база, на которой будет расширяться и крепнуть артельное хозяйство. Всего двадцать гектаров овощей, картофеля, овса закладывает колхоз нынешней весной на отвоеванной у тайги земле. Но перспективы большие. И у колхозников твердая уверенность: планы станут реальностью.

В нынешние весенние дни ширится размах строительства на селе. Построен колодец, заложена скважина для водонапорной башни, монтируется ветродвигатель. К осени вступят в строй здания семилетней школы, клуба, магазина, пекарни, бани, гаража, кузницы, скотного двора. Колхозные плотники уже принялись рубить конюшню. Молодежь поговаривает об электричестве и стадионе, старики — о фруктовом саде и пасеке.

С. РОСЛЫЙ

Колхозник Николай Макарович Скрипилев прибивает последний наличник.

„Рассказ о Турции"

Зарисовки В. Высоцкого.

Фатьма Нурхан — народная артистка РСФСР Ф. Раневская.

В городе Анкаре открылся базар.
В городе Анкаре продали нас.
Руки наши продали,
глаза наши продали,
кровь нашу продали... —

этими словами Назыма Хикмета начинается спектакль «Рассказ о Турции», поставленный Театром имени Моссовета по пьесе выдающегося турецкого поэта и мужественного борца за мир.

На приеме у премьер-министра турецкого правительства торжественно объявляется об отправке турецких солдат в Корею. На улицах Анкары неспокойно. Американский унтер-офицер выстрелом из револьвера смертельно ранит ребенка. Нищие на улицах Анкары оказываются крестьянами, которых земля перестала кормить. У других и совсем ее отняли: понадобилась территория для американского военного аэродрома.

О горе страны, проданной в рабство иностранным империалистам, повествует пьеса Назыма Хикмета. О простых и честных людях, которые не хотят жить в ярме. О скромных тружениках, которые становятся отважными борцами за честь и счастье народа.

Старая Фатьма Нурхан, единственному внуку которой угрожает отправка вместе с очередной партией пушечного мяса в Корею, приходит за защитой в Общество сторонников мира и становится стойким борцом за мир.

Журналистка Хатче, банковский служащий Сулейман, архитектор Нури, студентка Гюзин знали, что, подписав воззвание к народу с протестом против бесчеловечной войны в Корее, они обрекают себя на долгие годы тюрьмы. Но все же подписывают и публикуют это воззвание. Фатьма может отречься от своих новых друзей и тем спасти себя и внука. Но она отказывается от счастья, купленного ценой предательства, предпочитая путь правды и борьбы. Писатель Хюсейн хочет остаться в стороне от схватки и не может: урок, полученный им в полицейском застенке, побуждает его встать в один строй с солдатами мира.

Много простых, незаметных героев проходит перед зрителем. Солдат Мамед, увидев в наручниках арестованную мать, выхватывает винтовку у жандарма и уходит в горы. Старый ашуг Сатылмыш проходит пешком всю Анатолию с песней о Сталине. Ашуг называет великого вождя легендарным Хызыром, всегда приходящим на помощь людям в беде.

— Три с половиной месяца ты ходил по деревням, и никто на тебя не донес! — в бешенстве кричит начальник полиции.

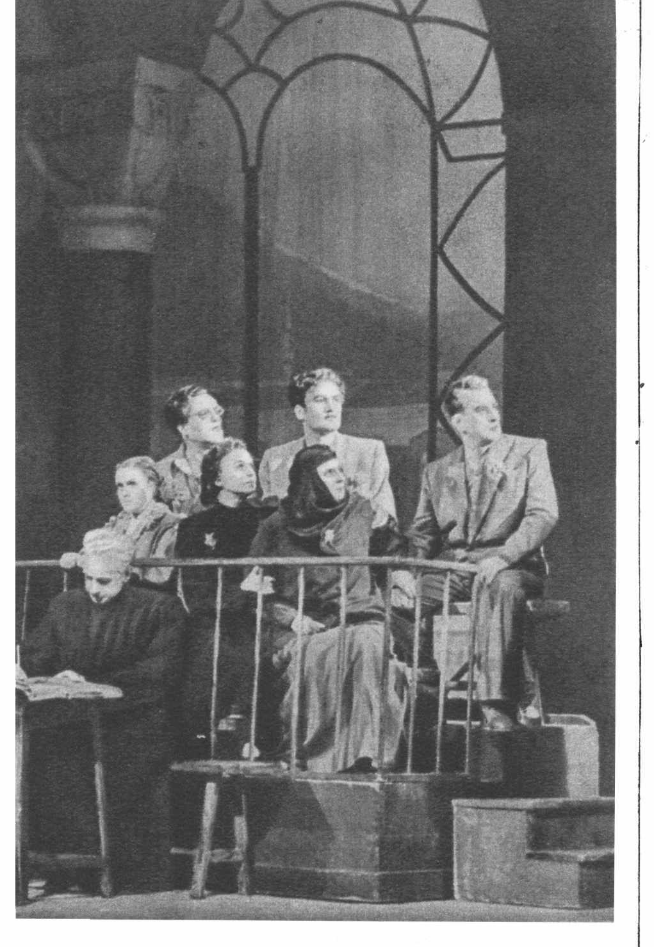
Режиссер Ю. А. Завадский и художник В. Б. Корецкий ведут нас то на улицу Анкары, обезображенную американскими плакатами, то на дипломатический раут, где турецкие министры и министерши верноподданнически склоняются перед заокеанскими эмиссарами

Начальник полиции—заслуженный артист РСФСР Б. Лавров.

Сатылмыш, ашуг,— народный артист РСФСР О. Абдулов.

Сцена из спектакля «Рассказ о Турции» Назыма Хикмета. В суде. На скамье подсудимых: первый ряд слева направо — Хатче (И. Карташева), Гюзин (заслуженная артистка РСФСР В. Серова), Фатьма Нурхан (народная артистка РСФСР Ф. Раневская); второй ряд слева направо — Сулейман (Г. Слабиняк), Нури (С. Соколовский), Хюсейн Халим (заслуженный артист РСФСР С. Годзи), защитник — адвокат Мурат (народный артист РСФСР Б. Оленин).

Фото А. Горнштейна.

или в упоении танцуют «буги-вуги». Мы попадаем в редакцию буржуазной газеты, продающей интересы родного народа. В камере тюрьмы в Анкаре и в зале суда мы видим смелых и убежденных сторонников мира.

Так спектакль советского театра становится трибуной, с которой звучит страстный голос поэта, призывающий к борьбе с палачами народа за свободу, за мир.

Ал. АБРАМОВ

Осман, крестьянин,—заслуженный артист РСФСР Н. Чиндорин.

Слава и гордость

Заметки о фильме «Адмирал Ушаков»

«При самом отправлении моем со флотом на море вместо благословения и доброго желания претерпел я бесподобную жестокость и напрасные наичувствительнейшие нарекания и несправедливость, каковую беспрерывно замечаю в единственное меня утеснение. При таковой крайности не слезы, но кровь из глаз моих стремится...»

Вчитайтесь, вдумайтесь в эти недавно извлеченные из архива строки. Сколько боли в них, горечи, гнева! Перед нами отрывок из прошения императору Павлу — и словно бы кровью сердца писано каждое слово...

Адмирал Ушаков писал это, уходя в средиземноморский поход, покрывший имя адмирала, имена его офицеров и матросов, имена кораблей Черноморского флота нетленной воинской славой.

Ушаков был учеником, другом, почитателем Суворова — и какая удивительная схожесть военной биографии и военной судьбы! Подобно тому, как самые блистательные победы русского оружия на суше в восемнадцатом столетии были неизменно связаны с именем Суворова, так и все самые блистательные победы на море были связаны с именем Ушакова. Ушакова роднит с Суворовым общность взглядов на военную тактику и стратегию, на новаторство в военном деле. Учась у Суворова, Ушаков стал творцом новой маневренной тактики парусного флота, новатором, отвергшим шаблонные методы линейного боя, возведенного в догму инструкциями Британского адмиралтейства.

Подобно Суворову, Ушаков учил своих матросов, думал о моральном духе воинов, хорошо знал путь к их сердцу. Вместе с Суворовым громил он турок в победоносных войнах на юге, утверждая исторически справедливые границы Российского государства. Суворов разгромил и уничтожил турецкую армию, взял неприступную крепость Измаил. Ушаков разгромил и уничтожил турецкий флот — один из сильнейших в Европе — при Фидониси, при Тендре, при Калиакрии. Знаменитый суворовский поход через Альпы по времени почти совпал со знаменитой средиземноморской экспедицией Ушакова, когда Ушаков, нарушив извечные каноны, пошел штурмом с моря на бастионы крепости Корфу. Известен отклик Суворова на этот беспримерный в истории войн штурм: «Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперниц не имеет,— то и теперь мы видим. Ура русскому флоту!..»

Царский двор ненавидел Ушакова столь же люто, сколь и Суворова. 2 (14) октября 1817 года в затерянной среди лесов глухой деревеньке на Тамбовщине в опале и одиночестве, отставленный императором Александром от флота, закончил свои дни морской Суворов — Федор Федорович Ушаков. Появилась заметочка в «Русском вестнике», промелькнуло сообщение в «Северной почте» — и память основателя передовой русской флотоводческой школы, талантливого и самобытного флотоводца, воевавшего в двух морях, при трех императорах, сделавшего на море сорок кампаний, выигравшего восемнадцать баталий и не проигравшего ни одной, была предана забвению. Словно бы и не было на свете победителя чумы в Херсоне,

Князь Потемкин — народный артист СССР Б. Ливанов.

строителя первых кораблей юного Черноморского флота, грозного «Ушак-паши», наводившего панику и ужас на турецкого султана и его адмиралов-«капуданов» в победоносной войне 1787—1791 годов. Словно бы и не было на свете первого победителя войск Бонапарта. Словно бы и не было адмирала, чьи войска вступили в освобожденную от французов столицу Италии — город Рим. Словно бы и не было адмирала, счастливо сочетавшего таланты воина с качествами выдающегося государственного деятеля, дипломата, администратора...

* * *

4 марта 1944 года, когда наши войска вели победоносные бои на всем протяжении фронтов Великой Отечественной войны и наши корабли дрались с врагом на Балтике, на Баренцовом и Черном морях, радио возвестило о новом Указе Президиума Верховного Совета СССР, учредившего высший военно-морской орден Советского Союза — орден Ушакова и медаль Ушакова.

Матросы-канониры русского судна «Святой Павел».

русского флота

Советский народ оценил по достоинству заслуги Ушакова и воздал должное его военному гению.

Фильм «Адмирал Ушаков» — первая часть киноэпопеи, посвященной великому адмиралу и охватывающей события с 1780 по 1791 год. Вторая часть эпопеи излагает события с 1798 по 1811 год, представляя одновременно и продолжение первой и произведение с самостоятельно развивающимся сюжетом. Оба фильма не ограничиваются лишь отображением биографии адмирала. Они стремятся показать историческую обстановку, сложившуюся в конце восемнадцатого столетия, когда Россия, раздвинув свои границы, вернула потерянные в прошлые века владения на севере и юге и начала строить Черноморский флот.

Надо ли говорить о трудностях, связанных с созданием этого фильма? Предстояло снять сложные морские бои, штурм с моря сухопутной крепости (для второй серии), сцены на кораблях, русских и турецких, эпидемию чумы в Херсоне, строительство флота, эпизоды на императорской яхте, в царском дворце, в ставке Потемкина, в Петербурге, Севастополе, Лондоне, Стамбуле...

Весь коллектив фильма, начиная от постановщика и кончая осветителями, гримерами, монтажниками, был увлечен своей работой. Каждый был проникнут стремлением сделать фильм глубоко патриотичным, правдивым и художественно убедительным, нужным нашему народу.

Съемки происходили летом. Я видел, как И. Переверзев (Федор Ушаков), Б. Ливанов (князь Потемкин), Н. Свободин (Мордовцев) и другие артисты, изнывая от немилосердного южного солнца, в пышных мундирах встречали Екатерину (артистка О. Жизнева), приехавшую в Севастополь на смотр кораблей Черноморского флота. Екатерина в парчевом царском одеянии особенно тяжело переносила жару.

Одновременно с выходом Екатерины должны были придти в движение находившиеся в специальном бассейне корабли Черноморского флота, прогреметь орудийные залпы, поражающие выстроенную на берегу по приказу Потемкина «крепость». По многу раз переснимали каждый кадр, пока не добивались необходимого художественного эффекта.

Артисты учились артиллерийскому делу: не только играли канониров, но и сами становились канонирами. Наука артиллерийского боя того времени была весьма сложной. В фильме стреляют из пушек точно так, как стреляли их в восемнадцатом веке. Процесс артиллерийской стрельбы состоял из восемнадцати операций, и артисты строго следовали точной инструкции, составленной по историческим источникам главным консультантом фильма профессором И. С. Исаковым. Огромную помощь оказали военные моряки Черноморского флота — адмиралы, офицеры, матросы. В массовых сценах советские моряки успешно изображали моряков ушаковской эскадры — и в ученьях, и при спуске кораблей, и в артиллерийской стрельбе в боях.

Постановщик фильма народный артист СССР М. И. Ромм, известный зрителю по картинам «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Русский вопрос», «Секретная миссия» и многим другим картинам, в этом фильме проник в совершенно новую для него область — исторического, батального, морского кинопроизведения, запечатлевшего три сражения. Для каждого из боев режиссер искал свое, оригинальное решение: один бой утренний, другой — вечерний, третий — ночной; в одном бою мы видим его начало, во втором — кульминацию, в третьем — развязку. Режиссер стремился сделать фильм наглядным и понятным для зрителя, чтобы зритель разбирался не только в тактике Ушакова, но и во всем сложном переплетении исторических событий.

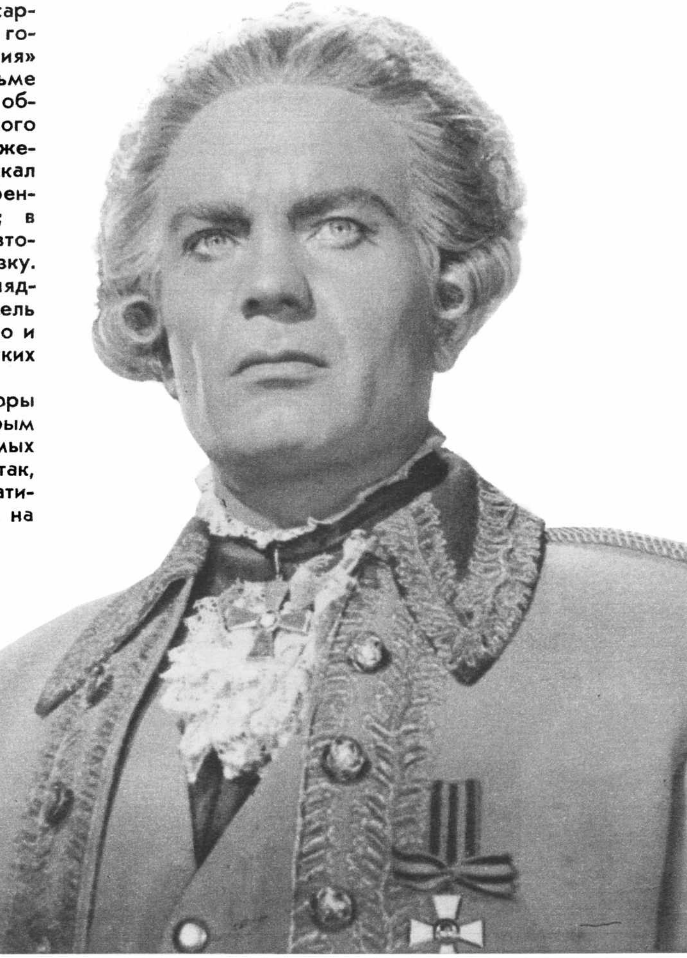
Сложнейшую работу проделали операторы фильма А. Шеленков и Чен Ю-лан, которым иной раз приходилось вести съемки в самых невероятных обстоятельствах: бывало так, что они с аппаратом висели над восемнадцатиметровым крепостным рвом или лепились на скале.

Художники А. Пархоменко, Л. Шенгелия и А. Вайсфельд, изучив исторические материалы, с большим вкусом и изобретательностью осуществили постройку павильонов «Зимний дворец» и «Мекензиев дом», вложили много труда в оформление батальных эпизодов.

Зритель увидит на экране результат комбинированных съемок Б. Арецкого и Б. Горбачева (художник — М. Семенов). Трудно даже опытному глазу разобраться, где натура, а где комбинированные съемки, настолько искусно сумели художники их спаять воедино.

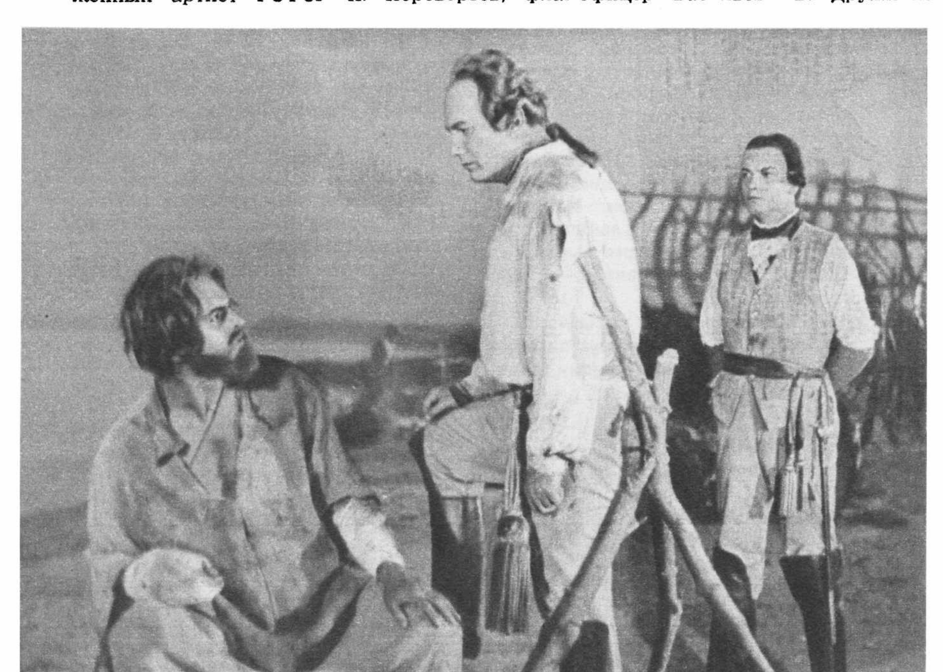
Можно было бы многое сказать о талантливой музыке композитора А. Хачатуряна и о работе актеров: об Ушакове — Иване Переверзеве, и о Б. Ливанове, играющем Потемкина, и о С. Бондарчуке, исполняющем роль бывшего пугачевца Тихона Рваное Ухо, и о М. Пуговкине — матросе Пирожкове, и о Г. Юдине в роли будущего преемника Ушакова адмирала Сенявина, и о В. Дружникове — флаг-офицере Васильеве, и о группе артистов, исполняющих, так сказать, «отрицательные» роли: Н. Свободине — Мордовцеве, П. Шпрингфельде — Орфано, Н. Чистякове — Войновиче и о многих других. Думается, зритель оценит их труд, талантливый и увлеченный, и, нет сомнения, отдаст ему дань уважения, в первую очередь отметив артиста Переверзева, воплотившего в фильме образ великого русского флотоводца.

Александр ШТЕЙН

Ушаков — заслуженный артист РСФСР И. Переверзев.

Встреча с бывшим пугачевцем, мастеровым Тихоном Прокофьевым, по прозвищу Рваное Ухо. Прокофьев — народный артист СССР С. Бондарчук, Ушаков — заслуженный артист РСФСР И. Переверзев, флаг-офицер Васильев — В. Дружников.

В каюте Ушакова. Флаг-офицер Васильев — В. Дружников, Ушаков — заслуженный артист РСФСР И. Переверзев, флаг-офицеры Метакса — А. Алексеев и Белли — В. Балашов, юнга — Г. Юматов.

Москва показывает

Е. РЯБЧИКОВ

Рабочий момент передачи из Центральной студии телевидения. Операторы снимают сцену из спектакля «Иначе жить нельзя» в постановке Академического Малого театра.

Осталась одна минута...

Призрачным светом загораются по вечерам бесчисленные телевизионные экраны Москвы. Вспыхивают они в новой квартире на двадцать пятом этаже высотного здания, в красном уголке завода, во Дворце культуры, в вокзальном зале ожидания, в домах колхозников. Тысячи и тысячи людей с живейшим интересом ждут, что покажет им сегодня Москва.

Исчезают с экрана замысловатые сочетания черных треугольников, квадратов, полос и цифр так называемой тест-таблицы, по которой настраивают телевизоры, и с торжественной медлительностью сдвигается на квадрате экрана занавес. В эту минуту на Центральной студии телевидения наступает самая горячая пора.

В большом зале, залитом слепящим светом множества прожекторов, происходит нечто невообразимое. Бегут рабочие с декорациями и бутафорией; осветители катят установленные на колесиках прожекторы; музыканты заканчивают настройку инструментов; через двойные двери входят загримированные артисты; операторы, надев на головы наушники, припадают к электронным видоискателям своих съемочных камер; ассистенты готовят все необходимое для имитации боя часов, звука льющейся воды, звонков телефона, цокота подков...

Высоко на стене павильона вспыхивают матовые стекла студийных сигналов — они требуют полной тишины. Тревожно, как набат, звучат резкие электрические звонки. Репродукторы взывают к шумной, кипящей толпе:

— Начинаем передачу! Внимание. Полная тишина, товарищи! Инна, почему еще ставят декорации? Товарищи, остается одна минута...

Помощник режиссера Инна Иванова, боясь, что она не сумеет все приготовить за оставшуюся минуту, бросается в толпу, что-то приказывает музыкантам и декораторам, кому-то грозит пальцем. И вдруг, словно по мановению жезла, все цепенеет, в павильоне становится так тихо, что слышен мерный стук маятника «ходиков» на декорациях кухни.

В углу студии установлена перед съемочной камерой крохотная деревянная рама, а на ней натянут, как в кукольном театре, занавес величиной в две ладони. Зрителям, сидящим перед телевизорами, этот занавес кажется большим, настоящим, с тяжелыми бархатными складками. Ассистент подходит к раме и легким поворотом миниатюрной лебедочки открывает занавес. Объектив аппарата снимает открывшийся ровный голубоватый фон. На этом фоне появляется улыбающееся лицо диктора. Сегодня вы видите Нину Кондратову, завтра — Ольгу Чепурову.

— Здравствуйте, товарищи! — говорит она. — Начинаем передачу из Центральной студии телевидения...

«Невидимый» в зале

Поднимемся по узкой, вертикально поставленной железной лестнице на антресоли, опоясывающие весь павильон. Почти на самом уровне глаз — зеркальный потолок, образованный рефлекторами ста восьмидесяти мощных ламп. Они излучают тропическое тепло. Но в зале нет изнуряющей жары. Специальные машины «искусственного климата» очищают и охлаждают воздух в студии.

Внизу, под антресолями, большой павильон, разгороженный декорациями на участки. В одном месте на зеркальном паркете стоит концертный рояль: здесь выступит сейчас Лев Оборин. Рядом с роялем — декорации кабинета директора большого завода в Германской Демократической Республике. Курт Штейгер, Карл Мильце, Вальтер Рейберг и другие действующие лица спектакля «Иначе жить нельзя» молча сидят за столами и курят — они ждут. Скоро черные съемочные камеры, лучи прожекторов и длинные коромысла «журавлей» с решетчатыми микрофонами повернутся в их сторону. Невдалеке расположились со своими скрипками, виолончелями, трубами и барабанами музыканты; еще дальше широким фронтом по большой дуге выстроились прожекторы и съемочные камеры перед средневековым двухсветным стрельчатым залом.

Прожекторы, с нестерпимой яркостью освещавшие диктора, внезапно гаснут. Диктор, закончив вступительный текст, проводит по глазам ладонью и, облегченно улыбаясь, отходит в сторону. Осветители немедленно откатывают от нее прожекторы.

Передача началась.

С высоты антресолей виден сидящий за роялем Лев Оборин. Густой жаркий белый свет заливает рояль, лицо и руки пианиста. Плотным полукольцом подступают к нему съемочные камеры и прожекторы. На длинном шесте «журавля» подкатывается к роялю цилиндрический микрофон. Оператор Игорь Красовский снимает музыканта, «кадрирует» одно лишь лицо Льва Оборина, сильные пальцы виртуоза.

В павильоне слышится легкий дробный стук балетных туфелек, и с плавной медлительностью выплывает белоснежная фигура Галины Улановой. Она чуть скользит по глади паркета, а затем в бурном кружении проносится перед всеми съемочными камерами. Объективы этих камер позволяют телезрителю как бы подойти во время танца к Галине Улановой, видеть на ее пачке каждую складку.

Лучи прожекторов уже хлынули в другую сторону — они направлены на выгороженный декорациями уголок. Только что сидел здесь, подперев голову, В. И. Хохряков. А сейчас лицо его залито слепящим светом, по сигналу ассистента артист встает и начинает монолог из пьесы Корнейчука «Калиновая роща».

Хохряков читает, а в это время бесшумно готовят площадку для следующих номеров обширной концертной программы.

Я надеваю наушники и слышу невесть откуда врывающийся голос:

— Готовьте «Березку». Остается минута сорок секунд...

Кто-то невидимый, отсутствующий, дирижирует всем в павильоне. Этот невидимый находится в аппаратной, у пульта управления — в штабе всей студии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТУДИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ. Лауреат Сталинской премии Фома Иванович Мальцев демонстрирует сконструированные им приспособления для каменщиков.

Идет передача очередного номера телевизионного журнала «Юный пионер». Десятилетний композитор Алеша Наседкин исполняет вступление к балету своего сочинения «Дикие лебеди».

На экранах телевизоров сегодня появились изображения обитателей морей и океанов. С ними знакомит зрителей лауреат Сталинской премии профессор В. Г. Богоров.

Фото Дм. Бальтерманца.

500 000 точек

Пройдем с антресолей в помещение аппаратной. Как огромные металлические черные шкафы, стоят в нем передающие устройства. В аппаратной встречаем начальника телевизионного центра Федора Ивановича Большакова. Он рассказывает: в Советском Союзе применяется наиболее совершенная система дальновидения. Московский, Ленинградский и Киевский телевизионные центры передают изображения с большей четкостью, чем в Соединенных Штатах Америки и в Англии.

Большаков подходит к окну, врезанному во всю длину стены аппаратной, и смотрит через стекла на залитый светом павильон.

— Вы видите,— Большаков показывает вниз, на операторов, занятых съемкой,— оператор наводит свою съемочную камеру на сцену. С помощью линз изображение проектируется на маленький экран, находящийся в этой же камере.

Экран — это слюдяная пластинка. На нее нанесен слой специального светочувствительного вещества. Покрывается экран им не сплошь, а в виде сложной мозаики, состоящей из множества изолированных друг от друга точек — крупинок. Экран съемочной камеры имеет не менее пятисот тысяч светочувствительных точек, причем каждая такая точка — крошечный фотоэлемент. На мозаике экрана запечатлевается «электрическая копия» видимого объективом изображения.

Электрические заряды, полученные от пятисот тысяч светочувствительных точек экрана, превращаются в электрический ток, а затем — в ультракороткие радиоволны, излучающиеся в эфир.

В телевизоре происходит обратный процесс превращения ультракоротких радиоволн в изображение.

Начальник телевизионного центра показывает на голубоватые экраны, размещенные в различных местах аппаратной.

— Только что переданное в эфир изображение, — говорит он,— здесь же принимается, и наши инженеры внимательно следят за качеством «картинки» — ее яркостью, четкостью, устраняют помехи.

Послушная камера

Во всю стену аппаратной стоит приземистый, широкий черный стол со множеством алых, белых и зеленых сигнальных лампочек, кнопок и рычажков. Это пульт управления. Перед ним, тоже во всю стену, окно. Через него видно все, что делается в павильоне. Но взор седовласого режиссера Сергея Петровича Алексеева, сидящего за пультом, обращен не на это окно, а на вереницу больших и малых экранов, размещенных над пультом. От каждой съемочной камеры, работающей внизу, в павильоне, изображение попадает на «свой» экран. Режиссер мгновенно выбирает наиболее интересное и нужное изображение, тотчас производит монтаж и «пускает» его в эфир.

Даже режиссеры кинохроники не работают в таком бурном темпе. Здесь надо за секунду увидеть сразу все изображения. Режиссер улавливает на одном экране «снятую» квартиру Мильце из спектакля «Иначе жить нельзя», на другом — крупно показанное лицо седой Марты Мильце, на третьем — лицо ее сына Франца, предателя, фашиста, вернувшегося в родной дом из западной зоны Германии с заданием американской разведки. Немедленно режиссер дает в эфир сначала изображение с первого экрана — зритель видит кухню и встречу в ней матери с сыном; потом крупно снятое лицо Марты Мильце и тотчас лицо Франца, его бегающие, трусливые глаза, нервно теребящие кепку руки.

— Володя,— говорит в микрофон Маркова оператору Киракосову.— Сейчас Марта Мильце будет медленно подниматься со стула. Давай вертикальную панораму. Не отрывайся от глаз Турчаниновой. Так... Все внимание на ее глаза.

Действительно, в заранее определенное на репетиции мгновение народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова, исполняющая роль Марты Мильце, медленно поднимается со стула, и за ней, не выпуская ее из сферы действия объектива, автоматически поднимается огромная съемочная камера.

Слева от Алексеева сидит звукорежиссер Галина Стародубровская. Она ведает большим и сложным «хозяйством» звуков; по ее распоряжению звукооператор включает записанные на магнитной пленке шумы завода, гудки, стук колес, и все эти звуки «уходят» в эфир.

Кирпичи и крабы

На студию вдруг привозят кирпичи, раствор, какие-то приспособления. В дверях показывается рослый человек в легком плаще и шляпе. Он не спеша снимает в гардеробной плащ; на темносинем его пиджаке сверкает медаль лауреата Сталинской премии.

— Проходите, пожалуйста, в артистическую, — приглашает гостя дежурная.

— Кирпичи куда отнесли? — спрашивает гость.

Знаменитого каменщика лауреата Сталинской премии Фому Ивановича Мальцева проводят в павильон. Во время антракта торопливо выкладывают на фоне декоративного неба кирпичную стену и на нее направляют лучи прожекторов.

И вот на экране телевизора появляются кинокадры строящихся зданий. Бесконечной чередой проходят башенные краны, подающие блоки, и растущие в небо стены. Кинопленка широко представляет гигантскую стройку Москвы. И пока проплывают громады, диктор говорит о большом и благородном труде каменщика.

Кадры из киноархивов показывают «козоносов», идущих по деревянным лесам. В прошлом, говорит диктор, труд каменщика был тяжелым и малопроизводительным. Безвозвратно ушли те времена... И телезрители видят действующие на стройке краны, лебедки, транспортеры, конвейеры, растворомешалки; видят кирпичную стену и стоящего за кладкой кирпичей Фому Мальцева. Он демонстрирует сконструированные им и многими строителями-стахановцами новейшие приспособления для каменщиков.

Гаснет свет. Оператор Игорь Красовский откатывает от кирпичной стены съемочную камеру.

— Легче дом строить, чем жариться так...— шутит Фома Иванович.

В павильоне пронзительно звонят электрические звонки, зажигаются световые сигналы: «Тихо! Вновь начинается съемка!»

Прокатившись на ногах по паркету, как по льду, подлетает к роялю пионер Алеша Наседкин. Десятилетний малыш в белой рубашке с красным галстуком только что тихо бродил по павильону среди прожекторов, декораций и съемочных камер. А сейчас он смело берет первые аккорды, и все в студии впиваются глазами в Алешу.

Ученик второго класса Центральной музыкальной школы Алеша Наседкин сочинил довольно много музыкальных произведений; есть у него трехактная опера «Сказка о рыбаке и рыбке», балеты «Дикие лебеди», «Стойкий оловянный солдатик», есть симфонические произведения, песни, мазурки, вальсы.

Находим в отдаленном углу павильона мать Алеши Марию Андреевну Наседкину. Она сидит с редактором детских передач Ириной Малец и слушает игру сына.

— Алеша с четырех лет очень любит музыку,— говорит шепотом Мария Андреевна.— Пристрастие к музыке было и у старшего, у Жени, но он сейчас учится в химическом институте, а вот Алеша научился у Жени играть на аккордеоне и пошел дальше. Муж мой, Аркадий Алексеевич, шофер, тоже любит музыку, но сам не играет.

Возбужденный, радостный, с пылающими глазами приходит Алеша, обнимает мать и чуть слышно спрашивает Ирину Николаевну Малец: «Что это за странные рыбы выставлены на столах?»

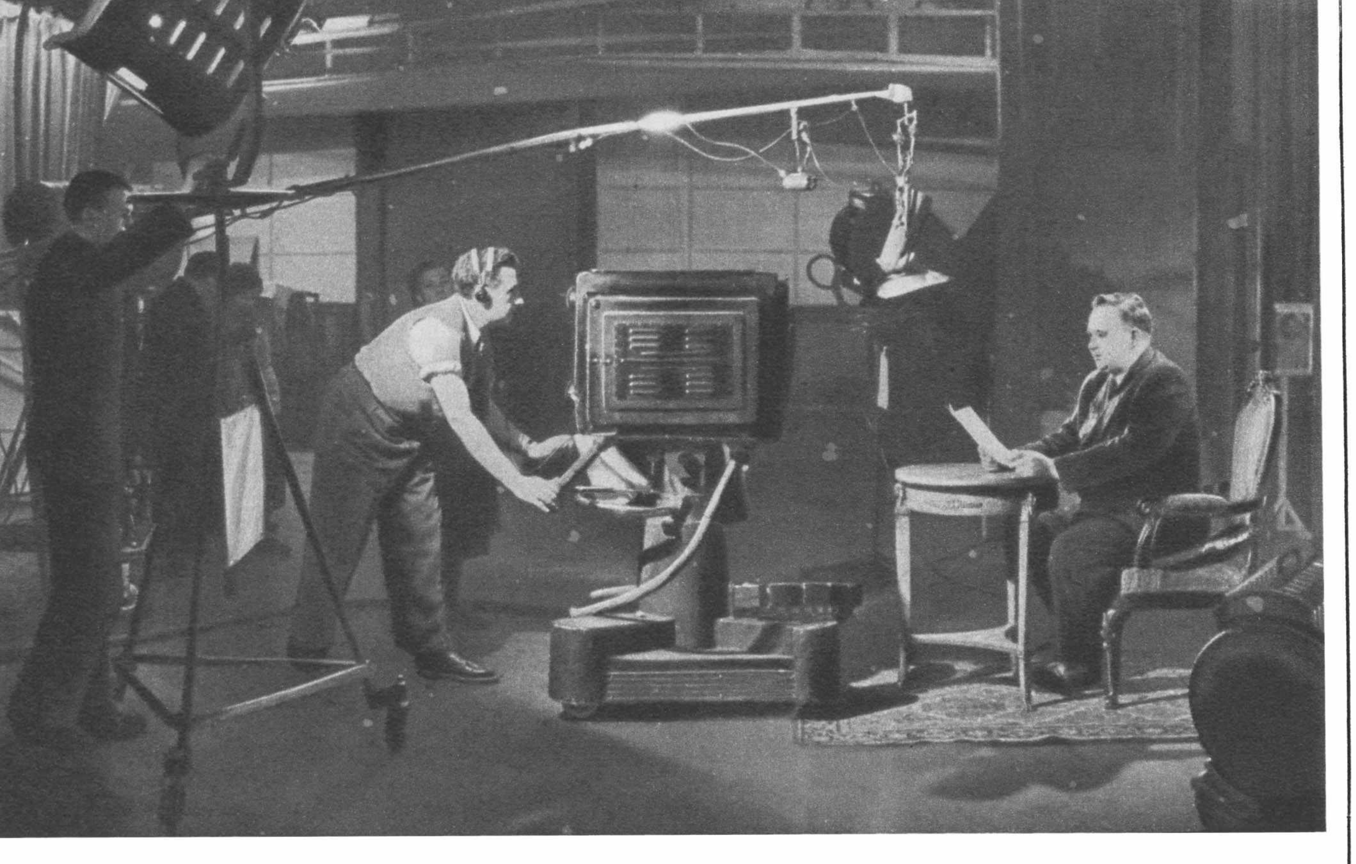
Ирина Николаевна привычной

Пульт управления. Перед режиссером серия экранов с различными изображениями сцены из спектакля «Кирилл Извеков». В течение всей передачи нужно мгновенно отбирать лучшие кадры и «посылать их в эфир».

— Начинаем передачу из Центральной студии телевидения... — объявляет диктор Ольга Чепурова.

Заслуженный артист РСФСР лауреат Сталинской премии В. Хохряков выступает перед съемочной камерой.

бесшумной походкой идет в чащу прожекторов, камер и микрофонных «журавлей». Возвращается она с профессором лауреатом Сталинской премии Вениамином Григорьевичем Богоровым.

— Пойдем, Алеша, посмотрим на крабов,— предлагает ученый.

С матерью и Ириной Николаевной пионер идет за профессором, перешагивает через извивающиеся по полу черные кабели, пробирается среди декораций и останавливается в полутемном углу.

Залп прожекторных лучей обрушивается на Богорова, на банки, крабов, водоросли, кораллы и спрутов. Алеша смотрит то на профессора, то на экран контрольного телевизора. Ирина Николаевна надевает Алеше наушники. Мальчик слышит музыку, шум океанской волны и видит на экране морские дали, пенистые крутые волны. Вдруг он будто ныряет в глубины океана, и там, на дне, увитом сказочными водорослями, среди обомшелых утесов и мелькающих рыб, каким-то чудом появляется уже знакомый Алеше профессор Богоров. Он знакомит зрителей с различными приборами для исследования глубин моря. Ученый показывает медузу, краба, коралловый полип.

— Более ста шестидесяти тысяч видов живых существ обитает в морях и океанах,— рассказывает ученый.— В тропических морях на глубине до пятидесяти метров распространены огромные колонии кораллов. За тысячи лет миллиарды маленьких коралловых полипов откладывают гигантские массы извести и образуют рифы, острова и атоллы общей площадью с Африку...

Передача продолжается.

За стенами павильона...

Дальневидение вышло за пределы павильона с его неистовыми прожекторами: съемочные камеры телестудии стали необходимой принадлежностью стадиона «Динамо», Большого театра, концертных залов. Миллионы москвичей, не покидая квартиры, видят теперь спортивные состязания на столичных стадионах, во всех подробностях прослеживают сложные комбинации футболистов, следят за каждым движением забрасывающего мяч баскетболиста.

Только что слышался свисток судьи, только что гремела музыка и океанским прибоем гудел возбужденный стадион, а перед вами уже тяжелый занавес Большого театра. Файер взмахивает дирижерской палочкой, и льются волшебные звуки «Лебединого озера».

Внестудийные передачи ведутся из Колонного зала Дома союзов и Концертного зала имени Чайковского, из Театра оперетты и крытых кортов стадиона «Динамо». Установленные на автомобилях передвижные телевизионные передатчики направляют сигналы дальневидения на телецентр, откуда они распространяются на десятки километров окрест Москвы.

Телевизионная студия — это и театр, и киностудия, и лаборатория, и предприятие, и редакция одновременно. В павильоне студии встретишь прославленного новатора производства и знаменитого ученого, популярного артиста и любимого писателя, агронома и председателя колхоза, моряка и летчика... Москва показывает миллионам людей все новое, передовое, что рождается в нашей жизни, знакомит с новым методом стахановцев, пропагандирует знания, прививает вкус и любовь к лучшим произведениям искусства, кино, литературы.

— Мы получаем много писем,— говорит директор Центральной студии телевидения Валентина Николаевна Шароева,— среди них есть письма и от зарубежных гостей Москвы. Они отмечают высокий идейный, художественный и технический уровень наших телевизионных передач. Советское правительство предоставило нам возможность демонстрировать любую театральную премьеру, первым экраном показывать только что вышедшие кинофильмы. А в Америке, пишут нам, телевизионные компании не показывают театральных премьер. Владельцам театров и кинофирм невыгодно демонстрировать новые спектакли и кинокартины: это убыточно для театров и кинофирм. Обычно основные программы телевизионных передач в Америке состоят из рекламы пылесосов и автомобилей, пошлых сенсационных сообщений.

Советское дальневидение развивается, не знает застоя, оно вошло в быт москвичей, стало могучей культурной силой. Телевизионные центры работают в Ленинграде и Киеве, строятся они и в других городах.

Придет время, когда советские ученые решат сложные проблемы получения цветного и стереоскопического изображения на большом экране. Будут решены важные проблемы передачи изображений на большое расстояние, и тогда телевизоры будут действовать в далеких сибирских и камчатских селениях, в горах Памира, степях Заволжья.

Дальнейшее совершенствование телевидения позволит вести цветные и стереоскопические передачи с высотных строек, из цехов заводов и тоннелей метро, с колхозных полей, из лабораторий ученых. Съемочная камера, опущенная в такие глубины океана, куда не может проникнуть водолаз, расскажет о подводных тайнах; поднятая ракетой в недосягаемые еще для человека выси, она передаст на Землю все увиденное в межзвездном мире.

С каждым годом открываются все более широкие возможности применения дальневидения в различных областях жизни. Телевизионные камеры смогут передавать с завода-автомата показания приборов и работу машин; установленная над операционным столом съемочная камера ознакомит любое количество врачей и студентов с редчайшей хирургической операцией. Телевизионная камера сможет идеально охранять помещение и в случае необходимости приводить в действие сигнализацию. Если применять чувствительные к инфракрасным лучам экраны, можно будет видеть в непроницаемой тьме ночи, даже сквозь туманы и облака.

Будущее дальневидения многообещающе, прекрасно.

С маем!

Пусть не завьюжится
непогодь злая!
Крепни,
содружество
мира и мая!

Это созвучие —
самое
лучшее.

В день, удивляющий
нас новизною,
с маем,
товарищи,
с полной весною!

С маем,
зеленая
вишня и слива!

С маем,
влюбленные,
жить вам счастливо!

С маем,
искатели
кладов природы,
зря вы не тратили
лучшие годы.

Высшая заповедь
нашего века —
счастье
отстаивать
для человека.

С маем,
у фрезера
парень напористый,
давший
для резанья
новые скорости!

Руки умелые
май заслужили.
Все, что мы делаем,—
не для наживы!

С маем,
строители
в охре весенней,
вы
устроители
всех новоселий!

Лучшая заповедь
нашего века —
счастье
закладывать
для человека.

С маем,
комбайнеры,
радостным месяцем!
Всходами ранними
борозды
светятся.

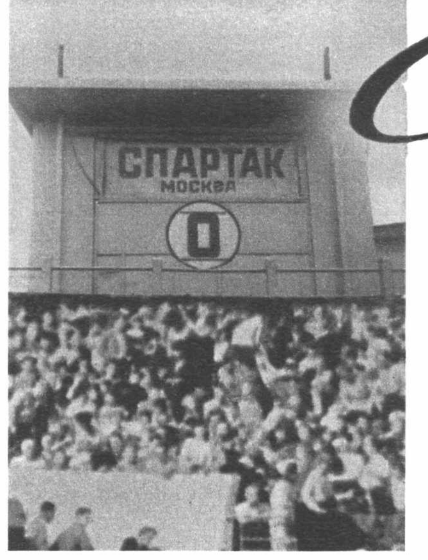
Первая заповедь
нашего века —
творчеством
радовать
жизнь человека.

С маем,
границы
и берега мои,
взглядом бойницы
оберегаемые!
В день, развевающий
красное знамя,
с маем,
товарищи
за рубежами!

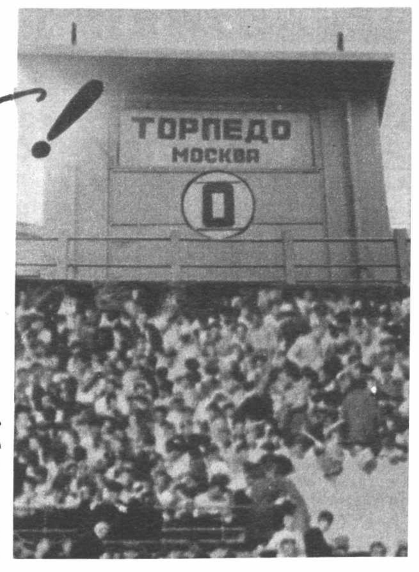
Пусть не завьюжится
непогодь злая!
Крепни,
содружество
мира и мая!

Это созвучие —
самое
лучшее!

Семен КИРСАНОВ

Свисток! Начинаются игры

Вадим СИНЯВСКИЙ

...Далеко на севере отзвенели колокольчики оленьих гоночных упряжек. В московском цирке отзвучал гонг: определились чемпионы по боксу. На юге, на Черноморском побережье, давно играют в футбол.

После хоккея, конькобежных соревнований, которые, к слову сказать, принесли такие замечательные результаты нашим скороходам, после состязаний лыжников в Уктусских горах, на склонах австрийских Альп и конькобежцев на катках Вены и Осло вновь наступила пора футбола.

Майский день. Стадион «Динамо» выглядит празднично. Блестят скамейки, полощутся на башнях флаги, сверкают кумачовые лозунги. Футбольный сезон в Москве начинается.

Счастливчики, доставшие на сегодня билеты, уже сидят на трибунах. Кажется, они волнуются. Наверное, волнуются. Взгляните на башни. Там наименования двух популярных команд: «Спартак» и «Торпедо». По традиции встречаются именно эти команды: чемпион страны и обладатель «Кубка СССР».

У всех болельщиков еще в памяти драматическое финальное состязание этих коллективов. За минуту до конца счет был 0:0. Все присутствующие были убеждены в том, что им придется смотреть борьбу в дополнительное время.

Но вдруг прорыв Петрова. Мазок Белова. Гол. «Спартак» проиграл. «Торпедо» выиграло. Вздох, аплодисменты, приветственные крики.

Так кончилось финальное состязание прошлого года. Это был последний мяч сезона.

И вот теперь вновь на башнях наименования этих команд.

Я поднимаюсь в будку комментатора. Сегодня первый репортаж о футболе.

Перед тем как открыть дверь, я заметил на полу блокнот. Поднял его. Наряду с номерами телефонов, адресами, мужскими и женскими именами там были записки о футболе. Это блокнот какого-то болельщика. По всему видно, что это так. Невольно я узнал мысли рядового любителя футбола.

Вот они:

«...Был на юге в командировке. Видел мастеров любимого кожаного мяча. Мастера тренируются. Класса пока не видно. Хорошо, что есть много молодых игроков. Видел и «старика» Александра Пономарева. Выступает в роли тренера. Пора!

* * *

Слышал репортаж из Москвы о боксе. Там перед началом боя объявляют возраст участника, количество проведенных боев на ринге. Футболисты, когда узнали об этом, почти единогласно выразили мнение, что для футбола это не подходит. Нельзя, говорят, объявлять, сколько лет футболист играет. Этак после двадцати лет перестанут уважать. Скажут, что дорогу молодым не дает. Стали стыдливы, как девушки!

* * *

В одной книжной лавке купил старинный справочник. Называется «Справочник московской футбольной лиги». Прочитал, что весь годовой бюджет лиги был... 472 рубля. Интересно. Как же вырос наш футбол!

* * *

Что такое южное солнце? Оно обладает многими любопытными качествами. Например, под его лучами растут нежные цветы даже в зимние месяцы. Но оказывается, что оно имеет свойство изменять краски. Так, помню, поехал один московский спортсмен на юг в красной майке с белой полосой на груди. Приезжает обратно, майка стала совсем белая, а полоса посинела. Метаморфоза. Раньше знал, что майки просто линяют, а теперь убедился в том, что время от времени они меняют свой цвет. Надо будет на трибуне рассказать.

* * *

На юге поля зеленые. Интересно, как сейчас в Москве, на нашем стадионе «Динамо»? Неужто к маю не позеленеет?

* * *

Говорят (это даже где-то писали), что один болельщик предсказывал погоду лучше бюро прогнозов. И делал это очень просто. Он смотрел на предсказания бюро и говорил наоборот. К концу года выяснилось, что он чаще был прав, чем бюро. Вот бы найти его и узнать: будет ли в Москве дождь в день открытия сезона. Брать зонтик или нет? Может, он еще и результаты предсказывает, тогда не стал бы ездить на состязания, в которых «мои» должны проигрывать.

* * *

Приятель пишет, что был на стадионе «Динамо». Говорит, что красят, полируют и у касс сделали еще дополнительные заграждения. Теперь, наверное, билетов уж совсем не достанешь! Вот бы хорошо было, если бы все билеты продавали через кассу. Хотя бы по одному в одни руки!

* * *

Тут отдыхают хоккеисты, которые в Норвегии играли. Говорят, что в Москве каток строят такой, что и летом можно будет играть. Лед будет. А может, и действительно будет? Ведь мороженое летом продают, да еще какое крепкое!

* * *

Видел сон, что судье после игры преподнесли цветы. Бывают же чудные сны! Ведь не освистали, а цветы! Что только не приснится человеку!»

На этом записки болельщика кончились. Дальше значилось: стоимость билета в Москву в жестком вагоне, дата отъезда и текст телеграммы жене.

Сегодня он, несомненно, на стадионе. Сидит, видимо, на Восточной. Интересно, под табличкой «Спартака» или «Торпедо»?

Мяч в сетке

Футбольный сезон начался.

В этом году за звание чемпиона Советского Союза сражаются 12 команд класса «А»: «Спартак» (Москва), «Динамо» (Киев), «Динамо» (Москва), «Динамо» (Тбилиси), «Динамо» (Ленинград), МВО (Москва), «Зенит» (Ленинград), «Крылья Советов» (Куйбышев), «Локомотив» (Москва), «Торпедо» (Москва), «Локомотив» (Харьков), «Спартак» (Вильнюс). Игры проходят в два круга.

19 апреля в пяти городах страны состоялись первые игры, принесшие любителям футбола первые радости и огорчения. В обоюдных атаках прошла встреча московского «Спартака» с тбилисским «Динамо», но 90 минут не дали результата. Давнишние соперники оказались равными по силе — 0 : 0.

Московские динамовцы имели реальную возможность закончить свое состязание с харьковским «Локомотивом» с более крупным счетом, но не сумели использовать одиннадцатиметровый удар. Счет 2 : 0.

Первое разочарование принесли своим болельщикам футболисты московского «Торпедо», убедительно проиграв спартаковцам Вильнюса со счетом 3 : 1. Причем один гол торпедовцы забили в свои ворота.

Киевские динамовцы принимали на своем поле ленинградский «Зенит» и победили со счетом 1 : 0.

Куйбышевские «Крылья Советов» сделали ничью — 1 : 1 — с командой Московского военного округа.

Можно с уверенностью сказать, что бои на футбольных полях будут жаркими.

У московского стадиона «Динамо». Сегодня футбол.
Фото А. Бочинина.

Писатели и книги

Очерки Валентина Овечкина

Еще шла война, а в повести «С фронтовым приветом» Валентин Овечкин уже боролся за будущее послевоенной деревни. А когда писатели еще упивались первыми успехами восстановленных колхозов, тот же Овечкин в пьесе «Настя Колосова» сказал знатной стахановке, собирающей вдесятеро бо́льшие урожаи, чем ее соседи, обидные слова о том, что уже не вперед, а назад ведет она свою деревню, что зазналась она, оторвалась от товарищей. И не на ушко ей сказал, а нарочито громко — «на людях».

Тот же голос слышен и в двух последних очерках писателя — «Районные будни» и «В одном колхозе».

В «Районных буднях» Овечкин разоблачает непартийные методы, которые применяет в своей работе первый секретарь райкома партии Борзов. В дорожном пальто, прямо из отпуска, не заехав домой, является он в райком — и перед читателем. Главная его забота, чтобы в первые же дни при нем процент хлебозаготовок был выше, чем при замещавшем его Мартынове. Борзов всегда выполняет планы по району, вроде бы у него все в порядке. Но «вот он волнуется, хлопочет, нажимает, чтоб зябь пахали, хлеб везли, всякие планы выполняли, а близко ли к сердцу принимает он все это?.. А может, он только о себе думает? Не выполнит то-то и то-то — на дурном счету в обкоме будет район и он, секретарь. Пятно ляжет на его служебную репутацию». Так, чтобы улучшить показатели своего района в сводке, Борзов заставляет передовые колхозы сдавать хлеб за... отстающие. Ему не больно, что у передовиков пропадает охота к труду, а отстающие привыкают к положению иждивенцев-прихлебателей. Как помеху своей карьере он готов спихнуть Мартынова, осмелившегося восстать против его, борзовской, линии.

Очерк «В одном колхозе» развивает и углубляет тему «Районных будней». Герой очерка — Павел Федорович Назаров — несколько лет назад принял отстающий колхоз, каких много и у Борзова. Хозяйство было развалено, жили люди плохо, и никто на это не обращал внимания. Среди зимы... молотьба шла. «По пять человек из бригады выходило на работу»,— вспоминает один из колхозников. Люди потеряли всякую веру в возможность каких-либо перемен и дошли до самого страшного: посмеивались, махнув рукой на все. И Павел Федорович, не оглядываясь на сводку, прекратил молотьбу, приказал, чтоб вдовам покрыли хаты и подвезли топливо. Это уже не по-борзовски! С заботы о людях начал новый председатель, объединил их и привел к тому, что, как будто в академию, стали приезжать в колхоз соседи — научиться хозяйствовать.

Но и Герой Социалистического Труда Павел Федорович Назаров услышал от Валентина Овечкина:

— Высоко ты поднял колхозников, а для чего же уравнял их? Всех ты подтянул. Но кто-то же должен опять вырваться вперед?.. Может, Золотую Звездочку, кроме тебя, десятки людей в колхозе желают носить?..

Колхозное производство! Вот что в течение многих лет целиком захватывает Валентина Овечкина. С цепким упорством, часто не придерживаясь жанров и литературных установок, не стремясь во что бы то ни стало быть занимательным, борется он за правильное решение насущных вопросов сельского хозяйства. Начни читать об этих вопросах заинтересованным глазом человека, которому, как родное, как свое, дороги наши деревни,— и ты увидишь вдруг, что вроде сам стоишь среди колхозников, порывисто спорящих и то и дело перебивающих друг друга.

Нынешней зимой в Новочеркасске, в областной школе председателей колхозов обсуждали очерки «Районные будни» и «В одном колхозе». Большинство выступавших начинало с фразы: «Наверно, писатель ночевал у нас в колхозе»; или: «Читаешь, товарищи, и думаешь: «Это он взял в нашем районе». Ни один не говорил об очерках как о вымышленных произведениях. Фамилии героев Овечкина переплетались с фамилиями живых, знакомых собравшимся людей. И если бы попал в зал человек, не читавший очерков, то не понял бы, какие события происходят в книге, а какие в соседнем, километрах в двадцати расположенном отсюда селе, о котором, горячась, припоминая даты и называя имена, говорит очередной оратор.

Да и не может быть иначе! На каждой странице очерков высказано много деловых, практических мыслей о том, какой должна быть наша деревня сегодня и чего надо добиваться завтра. Здесь и вопросы высокой государственности, партийности в проведении заготовок и воспитание даже в самом отсталом колхознике сознания, что только своим трудом, а не на чужом горбу можно войти в коммунизм; здесь и забота о росте колхозных вожаков и о судьбе каждого человека.

Очерки Валентина Овечкина — это страстная партийная публицистика. Но всегда ли мы понимаем, что сила этой публицистики в ее глубоком, взволнованном лиризме? Беспокойной человеческой душой созданы эти очерки!

Тем, кто знает Овечкина не только по печати, видно, сколько близкого, лично пережитого придает он своим героям. Много, например, в Мартынове — в его характере и жизни — от самого Валентина Овечкина. И он, как Мартынов, руководил когда-то объединенными в одно хозяйство односельчанами, как Мартынов, «заболел литературой... много раз критиковал, ругал в газетах секретарей райкомов», и местное начальство, должно быть, не очень опечалилось, когда он переехал в другую область...

Очерк «Районные будни» не окончен, потому что, как объясняет автор, в жизни борьба Мартынова с Борзовым еще продолжается. Ну, а когда победит Мартынов, когда поднимет он район, все равно не оставит его в покое Овечкин. И начнет он допекать Мартынова, как прежде Павла Федоровича Назарова:

— Добился успехов и стал? Куда это годится? Дальше иди!

В. Овечкин имеет право так говорить: сам он все время шагает вперед.

Владимир ФОМЕНКО

Валентин Овечкин «Районные будни». «Новый мир» № 9. 1952 год. «В одном колхозе». «Новый мир» № 12. 1952 год.

Весна 1953 года

Добро пожаловать!

На кумачовом полотнище приветливые слова:

«Добро пожаловать!»

Распахнулись широкие двери, и оживленный людской гомон понесся по комнатам, гостиным, залам.

В новый дом отдыха — здравницу для горняков Челябинского угольного бассейна — прибыли первые гости. Эта двадцать восьмая здравница Центрального комитета профсоюза рабочих угольной промышленности выстроена близ Чебаркуля. Она расположена в густом сосновом бору, меж трех больших и красивых озер.

Первые гости. Их 230 человек. Они осматривают жилые корпуса, заглядывают в кинозал, библиотеку — на ее полках собрано свыше 5 тысяч томов.

Центральный комитет профессионального союза рабочих угольной промышленности в этом году вводит в строй также общетерапевтический санаторий в Ялте и дом отдыха в Подмосковье.

Я. ЯКОВЛЕВ

На снимке: один из корпусов новой здравницы шахтеров.

Вопреки всем стараниям ускорить сколачивание так называемой «европейской армии» раздоры между участниками этого «сообщества» не только не ослабевают, но, наоборот, усиливаются.

Из газет.

РЕКЛАМА И...

...ФАКТ.

Рисунок Ю. Ганфа.

„К нам приехал ревизор!"

Вл. **ДЫХОВИЧНЫЙ,**
М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

— К нам едет ревизор?

— Только вчера в кино смотрели!..

— Вижу, что помните классику,— усмехнулся директор совхоза Алпатов.— Но, дорогие товарищи, самое смешное, что к нам действительно прибыл ревизор, действительно остановился в Доме приезжих и действительно почему-то инкогнито — вчера приехал и до сих пор не заявляется. Впрочем, это — его дело. А теперь перейдем к текущим делам... Как с ремонтом кормокухни, Андрей Петрович?..

А приехавший ревизор — Семен Данилыч Петухов — в это время весело фыркал под душем за фанерными ширмами в садике Дома приезжих.

Собственно, профессиональным ревизором Семен Данилыч не был. И как управляющий «Горторгом», он никакого отношения к районным совхозам не имел. Однако переутомленный заседаниями городской организм властно требовал сельского отдыха, и опытный Семен Данилыч сам выпросил в райисполкоме эту удобную инспекционную командировку.

Умывшись и выпив кружку пустого чаю, чтобы не портить себе аппетит перед неизбежным парадным завтраком, Семен Данилыч устроился в холодке на скамеечке перед Домом приезжих. Предвкушая райскую ревизорскую неделю, он стал ждать появления совхозного начальства с приглашением откушать и программой милых сельских развлечений.

Однако никто не появлялся.

Семен Данилыч подождал еще полчаса и, посетовав на неоперативность совхозного начальства, неторопливым прогулочным шагом двинулся в контору.

Летний день звенел и сиял. У речки шепотом сплетничали камыши. В ослепительно голубое небо вслед за своей песней ввинчивался жаворонок.

Петухов умильно посматривал на тучные луга, на которых то там, то сям паслось жаркое и заливное. Золоченый теленок с прекрасными лиловыми глазами стоял на своих разъезжающихся телячьих ножках, дрожащих и непрочных, как будущий холодец из них. Гуси хлопали себя по бокам и демонически гоготали над Петуховым, по всей вероятности, ошибочно предположив, что он будет жарить их без яблок и капусты. Поросенок деловито рыл пятачком землю, словно торопился выкопать хрен, под которым он будет лежать перед Семеном Данилычем.

Из-под забора обиженно тявкнула собака и тут же скрылась, стесняясь своей несъедобности.

Разомлевший и счастливый входил Семен Данилыч в контору.

Руководители совхоза очень ловко притворились, будто они рады приезду Семена Данилыча.

— Постараемся создать вам все условия для вашей работы, товарищ Петухов,— радушно сказал Алпатов, возвращая Семену Данилычу командировочное удостоверение. — Для начала позвольте вас пригласить...

«Завтракать!» — мысленно закончил за него Семен Данилыч.

— ...на ближайший объект. Посмотрите наш жилфонд. Дома́.

«Правильно! — одобрил Петухов.— Дельный человек. В конторе накрывать неудобно, а на квартире это вроде личная инициатива. Умно!» И он охотно согласился на осмотр жилфонда.

В отличном настроении Семен Данилыч семенил за широко шагавшим заместителем директора Кондратюком.

Кондратюк то и дело представлял ему людей в спецовках, которые, знакомясь, протягивали руки, черные не от земли, а от машинного масла. И каждый раз Кондратюк начинал с того, что вот еще года два назад здесь был пустырь, а сейчас — электростанция, или механическая мастерская, или новый гараж, или еще что-нибудь. Потом он спохватывался, умерял свой пыл и, вспомнив, что ревизора интересуют, конечно, не столько достижения, сколько недостатки, переходил к самокритике. При этом он требовал, чтобы Петухов обязательно записал себе насчет баббита, который не занаряжен до сих пор, и насчет волынки с запчастями, и насчет того, что «механик плохо выкручивается с местными ресурсами» и «что нас, конечно, надо греть, но помочь нам тоже надо...»

Когда вошли в поселок, состоящий из аккуратных домов под черепичными крышами, Семен Данилыч, как конь, почуявший родную конюшню, решительно повернул к крыльцу, на котором увидел девушку в белом халате и в марлевой косынке — явно официантку.

— Нет, нет, в ясли мы потом зайдем,— остановил его Кондратюк. — А сейчас... — он весело усмехнулся,— пройдем по помоечкам...

— По чему? — переспросил Петухов.

— По помойкам. По свалкам, то есть... Пусть товарищ Алпатов почешется, если он на наши сигналы не реагирует и настоящих выгребных ям сделать никак не соберется...

«Да что он, рехнулся, что ли? — поразился Петухов.— Он же и вправду мне недостатки показывает!» Такой оборот дела настолько не вязался с представлением Петухова о ревизии, что он растерялся и еще сорок минут, не протестуя, таскался за Кондратюком по самым неприглядным местам: заглядывал в мусорные свалки, карабкался по ржавым штабелям труб и строительной арматуры, чуть не свалился в известковую яму и в заброшенном песчаном карьере набрал полные сандалии песку, по уверению Кондратюка, вполне пригодного для строительных целей.

Нет, все это пока нисколько не походило на дачную прогулку. О завтраке не было и речи. Только одна мысль несколько успокаивала Петухова: он предполагал, что все это хитрый маневр Кондратюка. Ему нарочно показывают второстепенные недостатки, чтобы у него был какой-то материал для отчета, но уж зато потом сделают все, чтобы ревизор ничем больше не интересовался.

Дальнейший ход событий подтвердил предположения Петухова.

— Вот пока все по жилфонду,— сказал Кондратюк, останавливаясь у крайнего домика.

— Куда теперь предполагаете?..

Все сопровождающие разом зашумели:

— Ко мне!.. К нам!.. Нет, уж к нам — в лесок!..

Петухов даже растерялся,— видимо, у всех приглашающих было что-то припасено для приема ревизора,— и он не знал, кого выбрать.

— Сперва к вам! — наконец решился он, обращаясь к совсем молодому человеку в клетчатой ковбойке, лыжных штанах и выгоревшей фетровой шляпе.

— Хорошо, — согласился Кондратюк,— значит, пойдете с Колей в лесок!

«В лесок! — ликуя отметил про себя Петухов.— Так и есть — уводят от настоящих объектов! Ну что ж, правильно я выбрал — пикник на свежем воздухе...»

Прошли уже километра три, а леса все еще не было видно. Было очень жарко. Время подходило к полудню, когда лесотехник посреди поля свернул с дороги, прошел метров пятьсот по степи и остановился. Петухов сделал последнюю перебежку и догнал его.

— В чем дело? — спросил он.

— Пришли, — коротко ответил Коля, сдерживая восторг.

— Куда пришли?

— В лесок!

— Не может быть?! — почти закричал Семен Данилыч, встревоженный не столько отсутствием деревьев, сколько отсутствием пикника.— Где лесок?

— Да вот же! — указал Коля себе под ноги, а потом сделал широкий жест и радостно засмеялся.— Невероятно? А? Грандиозно? А?.. Какой масштаб посадок!!

И тут Семен Данилыч с тоской понял, что он попал в новый лесопитомник и ни о какой «сени» не может быть и речи.

Коля, выдержав театральную паузу и насладившись потрясенным видом ревизора, вцепился в Семена Данилыча и потащил его по солнцепеку. У каждого нового ряда саженцев он заставлял Петухова нагибаться, нюхать листья, щупать прутики стволов и даже ковырять пальцем образцово подготовленную землю. Попутно Коля излагал свои претензии к дирекции совхоза, которая явно недооценивает важность механизации лесопосадочного дела и маринует ряд его рационализаторских предложений. Претензий было много. Саженцев еще больше. А колючек, царапающих ноги Петухова и прокалывающих его легкие полотняные штаны, было больше, чем претензий и саженцев.

Когда директор совхоза Алпатов приехал за ревизором, обожженный солнцем, утомленный бесконечным хождением, истерзанный колючками Петухов представлял собой жалкое зрелище.

— Устал я немного...— взмолился Семен Данилыч, увидев директора.— Но вот машину я свою отпустил...

— Предусмотрено! — весело сказал Алпатов.— Мы сейчас конной тягой — по-деревенски... Прошу!.. — И он сам подсадил Петухова в легкую старинную колясочку с лакированными крыльями, которая жалобно скрипнула и покачнулась под тяжестью Семена Данилыча.

Через полкилометра Алпатов свернул с шоссе — в объезд — на кратчайшую дорогу, при взгляде на которую даже видавший виды серый мерин, запряженный в коляску, жалобно заржал и испуганно прянул ушами. Коляску начало

швырять, как шлюпку в шторм. Семен Данилыч еле успевал ловить слетающую панамку. Его то подбрасывало кверху, то вдавливало в кожаное сиденье, то бросало на грудь Алпатову, где он больно царапался щекой об орденские планки и авторучки.

Наконец пролетка вылезла на древний выбитый булыжник. Началась омерзительная трясучка, от которой подпрыгивали щеки и зубы выбивали мелкую дробь. У Семена Данилыча начала екать селезенка, как у лошади.

Алпатов завел непринужденный разговор, хотя говорить при такой тряске было невозможно. Прыгающая коляска вытряхивала из человека слова и фразы и просеивала их сквозь стучащие зубы. Опытный Алпатов смотрел на дорогу и говорил через паузы, выбрасывая короткие телеграфные фразы и отдавая тряске союзы, междометия и другие второстепенные части речи. Петухов же не мог приноровиться: слова вываливались из него бестолково, по частям, и он произносил только какую-то рваную дребедень.

— Доро-о... жкапло-о... хаяо-о... чень!..— отрывисто подвывал Петухов.

— ...Приступить ремонту... невозможно... связи задержкой... материалов машин,— телеграфировал Алпатов.

— Бе-е-е... зусло-о... внобе-е-е...— перешел на блеянье Семен Данилыч.

— Безобразие налицо...— телеграфно подтвердил директор мнение ревизора — ...нажмите горком... Второй год вожу... наглядности... всех приезжих... этой дороге... безрезультатно... Внимание яма... держитесь меня...

Петухов страдал и физически и морально. Он не мог понять, почему извечно роскошная ревизорская роль оборачивалась для него сейчас одними неприятностями. Он никак не мог разгадать, в чем тут хитрость руководителей совхоза, и это мучило его и сбивало с толку. Предположить же, что это нормальные честные люди, которые хотят добросовестно помочь ревизору разобраться в недостатках и неполадках, Семен Данилыч тоже не мог, потому что такое предположение было для него просто нелепым и ни в какие ворота не лезущим.

«Дикие люди! — думал Петухов.— Где это видано, чтобы так обращались с ревизорами?..»

И он твердо решил завтра же на рассвете вернуться в город.

Однако ехать домой без даров щедрой совхозной природы, уже обещанных жене и дружкам из городского начальства, было невозможно. Семен Данилыч решил срочно собрать причитающуюся ревизору дань и потребовал, чтобы его сейчас же проводили на свиноферму.

Если бы поросята увидели Петухова в тот момент, когда он подходил к свиноферме, они прочитали бы на его лице свой приговор и поспешили бы заколоться сами. Семен Данилыч был суров и решителен. Он был ревизором, чорт возьми, и собирался доказать это на деле!

«Раз они сами не пугаются,— решил он,— придется их пугануть!..»

Едва познакомившись с Марфой Григорьевной — знатной свинаркой, заведующей фермой,— Петухов сказал себе: «Главное — ошеломить противника» — и сразу же загремел:

— Это что такое? Штукатурка облупилась! Подтеки! Запущенность!.. Антисанитаризм!.. А дверь почему скрипит?.. А что это?..

— Погоди, погоди, не шуми,— перебила его Марфа Григорьевна.— Из крика дела не выкроишь. Мы по ремонту с тобой потом

пройдем. Ты сперва хоть поросят-то посмотри...

«Ага, поросят! — внутренне возликовал Петухов.— Подействовало!..»

— Эх ты, млекопитающее! — нежно сказал Семен Данилыч, пощекотав за ухом округлого, словно надутого воздухом, боровка, и, как бы невзначай, заметил: — Мне почему-то этот больше других нравится...

— Ничего, он не плох,— равнодушно сказала Марфа Григорьевна, видимо, не поняв намека.— Пойдем, что ли, хранение кормов посмотрим. Там у нас непорядки есть...

— Посмотрим, посмотрим ваши непорядочки... ваши недостаточки,— ласково пропел Семен Данилыч, гладя поросенка и не поднимаясь с корточек.— А ведь ты, подлец, под хреном хорош, наверно? — сюсюкая, обратился он к боровку.

— Да он и с кашей неплох будет...— засмеялась Марфа Григорьевна, как видно, наконец уразумев, в чем дело.— Ну, идем, идем...

Семен Данилыч со вздохом поднялся, неохотно расставаясь со своим боровком, и последовал за Марфой Григорьевной. Слушал он ее рассеянно, так как думал о своем.

— Да, да, действительно безобразие. Это мы вашему директору укажем... Между прочим, сколько в нем весу?..

— В ком? В директоре?

— В поросенке, в том...

— Кило пять... Теперь насчет подготовки к зиме хочу сигнализировать... Крыша — раз. Тамбуры — два... Кормокухня... У нас много говорят о недостатках, а получается одна критика с трибуны, а дела нет...

— А дела нет...— задумчиво повторял Семен Данилыч. — А если, скажем, его откармливать захотеть? То чем лучше? А?..

— Да что он тебе дался, этот поросенок? — удивилась Марфа Григорьевна.— Вот приедешь весной — увидишь, как мы его откормим... А с механизацией, значит, так...

«То есть как это — вы откормите?» — чуть не крикнул Петухов, вдруг поняв, что ему не собираются отдавать его боровка. «Это что же получается? Раздумала она? Страх потеряла?..»

И он вдруг без всякой подготовки закричал на заведующую, распаляясь от мысли, что поросенок может ускользнуть из рук:

— Ты мне механизацией голову не морочь!.. А качество? Я ведь ваших поросят не ел! Может, они по качеству никуда не годятся! Может, они и невкусные вовсе? Может, это не поросята, а производственный брак?.. А ремонт? Да ты знаешь, что я про ваши ремонтные безобразия в центр могу сообщить? Я, может быть, даже в газетах вас пропечатать могу! Это ты знаешь? А?

— Насчет качества это ты шумишь зря,— спокойно сказала она.— У нас отзывы есть от торгующих организаций. А вот насчет ремонта это хорошо, что ты рассердился. Для того тебе и рассказываю. Ты обязательно сообщи куда надо. И в газетах пропечатай... Может, кому не по вкусу придется, зато польза будет...

У Петухова опустились руки. После грозного монолога, на который он израсходовал остатки энергии, силы окончательно покинули его. Из свинофермы он вышел, качаясь от горя.

— Ну недостатков вы насмотрелись,— сказал встретивший его Алпатов.— Теперь вам можно и кое-что приятное показать. Прошу через час в столовую. Новый зал мы открыли — лучше любого ресторана...

«Банкет,— подумал Петухов. — Вот, значит, чем хотят отделаться... Ну хоть что-нибудь!..»

Оставшееся до банкета время Петухов употребил на закупки. Частным порядком он приобрел овощи, фрукты, сметану, поросят и прочую живность. Без гостинцев начальству возвращаться он не мог.

Чтобы дары не показались слишком бедными для такого богатого совхоза, продуктов пришлось покупать много, и Петухов истратил все свои деньги до копейки. Впрочем, это уже не имело значения — сейчас его наконец покормят, а сразу после банкета он махнет в город.

В высоком белом зале столовой собрались все сегодняшние провожатые Петухова. Конечно, началось все опять с осмотра, опять Кондратюк говорил, что еще полгода назад здесь был просто сарай, а клетчатый энтузиаст обращал внимание гостя на озеленение под окнами.

Наконец все уселись за стол. Петухову стали читать меню-раскладку. На третьем названии Семен Данилыч уже не мог говорить, а только глотал обильную слюну, как подопытная павловская собака.

«Салатик! — умиленно отмечал Семен Данилыч.— Помидорчики!.. Винегретик!.. Судачок!.. Ветчинка!.. Супчик!.. Котлетка с картошечкой!..»

Нет, дальнейшее ожидание становилось невыносимым.

— Что ж, пора, пожалуй, и нам, так сказать, проверить качество!..— блудливо хихикая и потирая руки, сказал Семен Данилыч.

— Конечно, конечно...— радушно сказал Кондратюк.— Это мигом. Вы что будете заказывать?

— Зачем мне вмешиваться,— скромно сказал Петухов.— Вы хозяева!.. Что вы приготовили для гостя, то пусть и подают!..

— Все шутите! — весело рассмеялся Кондратюк.— У нас же не банкет! У нас попросту: платите деньги — и пожалуйста...

Петухов хотел что-то сказать, но захлебнулся слюной и только всхлипнул.

Но уйти из столовой он не мог. Это было выше человеческих сил. И уже не владея собой, Семен Данилыч забормотал:

— Я и собирался платить... Но, понимаете... У меня тут вышел финансовый просчет... То есть я... Может быть, кто-нибудь одолжит мне немного денег...

Эта скромная просьба почему-то вызвала общий смех.

— Издержались в дороге? Да?..— так и залился Кондратюк.— Ох вы, шутник!..

— Взаймы?.. — восхищенно взвизгнул клетчатый Коля.— Прямо по классике! Наизусть! И сыграли, как в кино. Просто артист...

Семен Данилыч с трудом изобразил кривую улыбку и сказал, что он, конечно, пошутил. Тем более, что и есть он не хочет: закусил в гостинице.

Шутка, как видно, понравилась, и, провожая Петухова до Дома приезжих, смешливый Кондратюк несколько раз останавливался и, хохоча, спрашивал: «Издержались в дороге?» — после чего хлопал себя по ляжкам и восклицал: — «Ах, ты!.. Вот это дал! А!..»

* * *

Под покровом темноты Петухов бежал из совхоза. В машине он мрачно молчал. Он наелся сметаны из подарочного фонда, причем ел ее без хлеба, закусывая помидорами. Сейчас его поташнивало. Он начал икать. Шофер Федя сказал, что это от тряски в нем сбивается масло.

Кончались совхозные владения.

На полевом стане, недалеко от дороги, стрекотала кинопередвижка. И душный пахучий ветер, словно издеваясь над Семеном Данилычем, донес до него знакомую фразу:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор!

Караси и раки

СЦЕНКА С НАТУРЫ

В вагоне субботнего пригородного поезда становилось тесно. Только в дальнем купе сидел один белокурый и чубатый, сильно подвыпивший человек. Он всем говорил «занято» и раскачивался на порожних лавках.

На нем были валенки с красными галошами — обувь не по сезону,— но никто не удивлялся, потому что никому не было дела до этого пассажира.

Как всегда, в вагон для курящих садились больше всего рыбаки и охотники. В купе заглянул высокий рыбак в куртке из зеленого брезента, с толстым пучком удочек и с подсачком.

— Занято,— буркнул гражданин в красных галошах.

— А ну, двинься!— сказал рыбак, и белокурый послушно пересел в дальний угол, к самому окну.

— Аким Петрович, иди сюда!— позвал высокий своего товарища с поплавочными удочками.

Купе быстро заполнилось. Пришел рыбак-лососятник со спиннингом в чехле. Появился юноша с ружьем и собакой. Вежливо попросив разрешения, втиснулся толстяк с корзинкой.

— Хватит такого мешка под рыбу? — спросил высокий, встряхнув рюкзаком.

— Я такой хозяин, у меня жена ни боже мой! — бормотал в углу пьяный человек.

— Ты будешь спать? — спросил с полки женский голос.— Ночь... Рыбак, ты надень ему мешок на башку-то. Право, надень — уснет...

Белокурый не обижался и не замолкал.

Каждый приходящий сразу же закуривал. Вагон наполнялся дымом. Компания подобралась разношерстная, но с общими настроениями: всюду начинались разговоры о рыбалке и охоте.

Юноша долго загонял собаку под скамейку. Наконец это ему удалось. Толстяк с корзинкой тронул юношу за колено:

— Вот, бывало, едут в челноке по Ильменю, и хотя на охоту, а удочки тоже берут, и приготовлены рыбки оловянные с крючками. И вдруг видно — кипит вода... Стоп машина! Веслом тихонько-тихонько, не дай бог стукнуть. А окуни так перьями воду крутят, что она, как в котле. Тут им эту оловянную рыбку!.. Через час — полтора пуда окуней!

— Любят рыбаки число полтора,— сказал Аким Петрович и, скрывая улыбку, серьезно продолжал: — Уж если наловит лосося, то обязательно полтора пуда. Окунь попадается обязательно на полтора килограмма. В окуне верный, может быть, килограмм, а для красоты прибавляют еще полкилограмма. Впрочем, когда в окуне полкилограмма, прибавляют килограмм.

— Достал я удивительную рыбу... сама черная, ушей нет,— сказал белокурый.

— Плохо. Я люблю, когда рыбу есть за что взять,— сказал толстяк и повернулся к спиннингисту.— Бывал я в глухих местах, скажем, в Карелии. И что же! Наблюдается там при ловле лосося явление исключительное. Обыкновенный, скажем, человек срезает вересковую палочку. И эту палочку, для тонкости восприятия, вываривает в котле суток трое. Отправляется человек с одной былинкой, посошком то есть, идет вдоль воды и палочку рядом с собою по реке ведет. Вдруг встал, палочку вынимает и на это место опускает в воду руку, ощупает да цоп лососину — и на берег! Ловит, значит, без сетей и крючков, а за рыбой впору подводу посылать. Спорт это, скажите, или промысел?

Все молчали, не глядя на толстяка.

Аким Петрович откашлялся:

— Вот у нас случалось, не ради спорта, конечно, а так... В пруду водились караси. И вот мы придумали. Взяли ящик фанерный из-под макарон, дождем моченый, на стенках у него налипло тесто, да мы еще крошек туда набросали. Приманка есть! Ящик заколотили, в стенках провертели малюсенькие дырочки, снизу кирпич привязали. В крышке прорезали окошечко и прикололи снизу тряпку. Этот ящик бултых в пруд! Вода запах корма разносит. Караси чуют, кругом ящика вертятся, а попасть не могут. Вдруг — окошечко в крышке, а тряпка лотком провисла. Нырк карась — и там! Прибегают другие. Ящик стоит, кормом вкусным пахнет, а там уже карась сидит и макароны жует. Другие до той поры не успокоятся, пока тоже окошечка не найдут и внутрь не залезут. Утром вынимаем ящик, крышку сдираем — полный ящик карасей!

— Да-а-а! — протянул толстяк.

— Вот в одно воскресенье сидим компанией на берегу,— включился в разговор неизвестный пассажир.— Травка зеленая... речка такой ленточкой голубой бежит... Пиво у нас было — напиток небесный,— а закуска не соответствует... Найди я тут веревку немудрящую, короче говоря, шпагат, и конскую голову, то есть одни кости, привяжи я череп тот к веревке и забросъ... Через некоторые моменты я эту конскую голову из воды за веревку выдергиваю. Что бы вы думали? От раков красно. То есть, извиняюсь, черно. Снаружи клещами зацепились и внутрь набились. Я их в котелок, а голову опять в речку! Пива выпьем — и новая закуска готова. Вода всегда кипит.

— Сколько времени тратится на рыбалку да на охоту! — сказал кто-то на боковой скамейке.— Посадил бы лучше человек фруктовое дерево, вырастил и сорвал бы сочный плод, скажем, грушу.

— Груша — вода с одеколоном. Вот огурчик съел — чистой водой рот ополоснул,— сказал белокурый в красных галошах.

— Посоленные лучше,— ответил высокий в зеленой куртке.— У нас кошка была — разрежет, посолит и ест.

— Все же нет ничего лучше зимней ловли, — вздохнул толстяк, поправляя корзинку.

— Вот это я люблю! — оживился высокий в зеленой куртке.— Лед скует озеро. Ну, крепка крыша, стукнешь — гудит. Рыбки накидаешь, тут же она замерзнет, и всегда свеженькая. Или сидишь в палатке с жаровней, с чайком. Вьюга, наружу нос не высунешь, а тут тепло и рыба берет. Аким Петрович, помните Ивана Ивановича? Раз он так сидел, вдруг палатка поехала. В чем дело? А это у них леска была привязана за стойку, а взяла щука. Вытащили щуку и опять

благодушествуют. Потом опять напасть: жаровня зашипела и потонула; оказывается, лед протаял насквозь. Чуть сами не выкупались.

Молодой охотник задремал, а когда очнулся, в проходе стоял высокий человек в ватнике и рассказывал:

— Угри выходят по росистой траве в горох, сосать молодые стручки. Ловят их, пересыпая след песком...

— Что угорь — дурной, что ли, что будет ждать рассвета, когда можно найти его ход? — спросил Аким Петрович.

— Ловят с фонарями,— поддержал толстяк человека в ватнике.

На нужной станции рыбаки вышли. Остались толстяк и юноша-охотник. Толстяк тоже собрался уходить.

— Вы давно рыбачите и охотитесь? — спросил юноша у толстяка.

— Я не рыбак и не охотник, а поврать тоже люблю. Всего доброго!

— А как же про кошку кто-то рассказывал... Тоже неверно? — встрепенулся белокурый в красных галошах.— Стой!..

Но толстяк уже поклонился и вышел.

Юрий НИКУЛИН

Литературные эпиграммы

КРИТИКУ-КУ...

Литературная опушка...
На певчих птиц нагнав тоску,
Охрипшая критикукушка
Критикукует на суку.
Случайный гость на птичьей спевке,
Она, как критик Имя рек,
В критикукушечьей издевке
Всегда лишь песне-ОДНОДНЕВКЕ
Сулит, напутав, ДОЛГИЙ век!

СОВЕТ СТИХОТВОРЦУ

Коль у тебя за долгий срок
Мыслишка первая возникла,
Вмести мыслишку в восемь строк
И не клади в основу «цикла».

ЕСЛИ БЫ...

Была бы эта повесть
Написана на совесть,
Когда бы автор повести
Писал ее по совести!

НЕДОЛГИЙ ВЕК

Склонив главу над сорной кучкой
Псевдолирической трухи,
Он бойко пишет «вечной ручкой»
Недолговечные стихи.

Э. КРОТКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

ЩУЧИЙ ЛЕКАРЬ

Кончились лесные завалы. Вот наконец и Нерль. Прежде всего выкупаться!..

Только я скинул рюкзак, как за кустом раздался хриплый кашель. Я увидел человека, низко склонившегося к воде.

Нечаянный сосед оказался высоким жилистым стариком. Был он одет в зеленый выгоревший комбинезон и плотно подпоясан. Надо полагать, принадлежал дед к заядлым курильщикам: усы его, как две канарейки, прикрывали широкий, толстогубый рот.

Только после второго приветствия старик пробурчал что-то неразборчивое, позы, однако, не изменил. Руки его оставались неподвижными,— видно, человек что-то держал в воде.

За кустом начинался небольшой омуток, обставленный длинными березовыми шестами, с которых свешивались рогатки жерлиц. Неподалеку валялась складная камышовая удочка и стояла деревянная, перехваченная ржавыми обручами бадейка.

Старик упорно не менял положения.

Подойдя вплотную, я разглядел, что рыбак держит за спину порядочную щуку, осторожно прижимая рыбу к светлому песку отмели. В нижнюю губу хищника было продето кольцо из медной проволоки, от него тянулась длинная веревка, подвязанная к упругому корневищу прибрежного куста. Щука была на кукане.

Я заинтересовался.

— Что делаешь, отец?

Он ответил не сразу, отрывисто:

— Процедура. Щуку лечу!

Наконец, выпустив из рук рыбу, старик встал. Я невольно залюбовался стройной не по годам осанкой. А шел ему верный седьмой десяток.

В этот момент щука перевернулась белесоватым брюхом. Дед досадливо крякнул, нагнулся и опять поставил рыбу в нормальное положение.

Заинтересованный, я примостился рядом с ним в позе перовского «Рыболова».

Мы оба молча смотрели на рыбу.

Старик терпеливо удерживал щуку, не давая ей переворачиваться или ложиться на бок. К дальнейшим разговорам он, видимо, расположен не был. Я вынул из кармана рюкзака плоскую флягу, отвинтил жестяной стаканчик и предложил:

— Рюмочку? Для первого знакомства!

— Не пью! — не оборачиваясь, прохрипел дед.— Традиция!

Молчание продолжалось. От долгого неподвижного сидения у меня заломило в пояснице. Вдруг старик выпрямился и удовлетворенно отрубил:

— Сеанс окончен!

Я поглядел на щуку и удивился. Она стояла спокойно, не перевертываясь, слегка пошевеливая плавниками. Из плотно сжатой пасти торчал короткий хвостик металлического поводка. Я понял: щука проглотила «живца», и крючок зацепился где-то в глубине ее ненасытного горла. «Эта не жилец»,— подумал я. Но рыба сначала нерешительно, потом быстрее стала уходить с мели, пока не скрылась из глаз, туго натянув шнур кукана.

Вскоре дед разговорился. Он поучал меня, прерывая речь глухим, отрывистым кашлем:

— Время теплое. Температура! Рыба слабнет быстро. В снулой интереса мало. Значит, живую держи. На кукане! Опять же надо с умом. Которая в «заглот» попалась, у той леску режь. Закуканил и ставь животом книзу. Не мни. А главное, взвертываться не давай! Как взвернулась, получается у ней воспаление мозгов. Иначе,— тут дед слегка запнулся,— ме-нин-гит.— И хитро подмигнул мне, сощурив голубые глазки: — Вот и придумал я таких щук лечить. Над другой час бьешься. А глядишь — выходилась. И день живет на кукане. И другой. Меня в деревне так и зовут: дед Семен — щучий лекарь. Поначалу смеялись. Теперь почет.

— Гляди, гляди! Жерлицу разматывает! — закричал я.

Дед, к этому времени уютно расположившийся на берегу, «взвернулся» не хуже щуки и с завидной скоростью помчался к жерлице. Еще момент — и он тащил яростно упиравшуюся хищницу.

— Большой помощи не требует,— довольно сказал рыбак, рассматривая щучье рыло.— Прием амбулаторный. Ишь, крючок-то... В губе!

* * *

Много лет следую я совету деда. И сколько хищников, казалось, «безнадежных», глубоко проглотивших крючок, удавалось надолго сохранять живыми, применяя описанный способ!

А иной раз поленишься, оставишь такую рыбу на кукане без «лечения» — она и часу не проживет, заснет.

Михаил ЗАБОРСКИЙ

Из почты «Огонька»

Как гусь с песцом дрался

Река Попигай впадает в реку Хатангу (Таймырский национальный округ) около фактории Карго, почти в Хатангский залив. В нескольких стах километров выше устья Попигая расположено селение Хатанга.

Мы вышли из Хатанги сразу после ледохода — в начале июня. На двенадцатый день пути, у местечка Сопочная, я стал свидетелем любопытной сцены.

На левом, низменном, берегу реки Попигая находятся излюбленные места гнездования перелетных гусей и лебедей. Здесь же расположены многочисленные обиталища белых песцов.

Утром мы бродили с ружьями по берегу. Гусиные шеи вытягивались буквально отовсюду, гусыни встречали нас дружным «га-га-га». Подошли мы к одной сопочке высотою не более метра, уверенные, что за нею найдем гнездо. И не ошиблись. Но что мы увидели!

Песец с висящей клочьями линялой шерстью катил передними лапами гусиное яйцо. И вдруг на него набросилась гусыня! Она рванула песца за спину, тот огрызнулся и попытался схватить гусыню за ноги, но она держалась в воздухе на расстоянии 1—1,5 метра от противника.

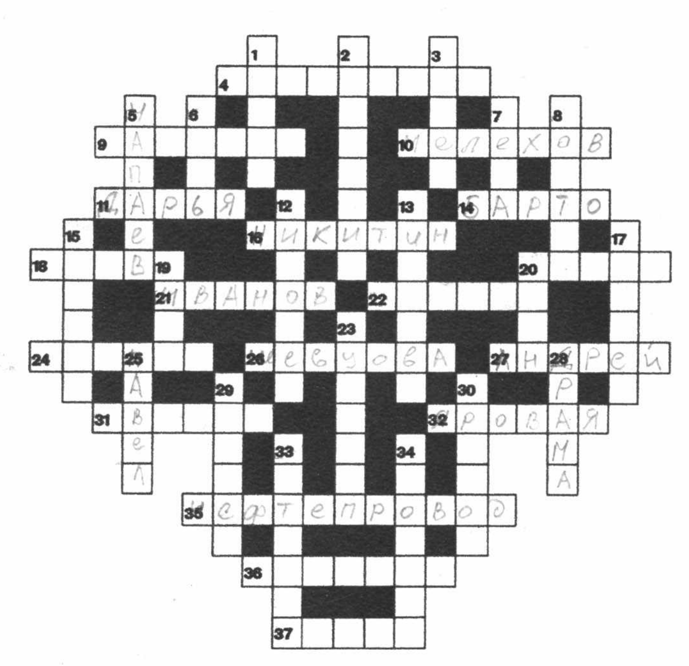
Разгорелся ожесточенный бой. Хотя мы стояли в двух метрах от места побоища, «бойцы» нас не замечали. Гусыня занимала в воздухе более выгодное положение, но и песец не уступал своих позиций. В конце концов гусыня спустилась на землю и с резкими взмахами крыльев начала наступать на песца. Песец позорно бежал. Тогда, заметив наконец нас, гусыня с громким «га-га» взмыла вверх, не улетая, однако, далеко. Я поднял яйцо и бережно положил его обратно в гнездо.

М. КОЧЕТКОВ

Остров Путятин,
Приморского края.

КРОССВОРД

Литература и искусство

По горизонтали:

4. Руководитель коллектива художников, создавших картину «Власть Советам — мир народам». 9. Картина художника М. Грекова. 10. Герой романа М. Шолохова «Тихий Дон». 11. Имя одной из сестер Булавиных в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». 14. Детский писатель. 16. Художник из содружества Кукрыниксов. 18. Роман Г. Николаевой. 20. Большевик в пьесе Б. Лавренева «Разлом». 21. Оперный певец, народный артист РСФСР. 22. Персонаж из комической оперы В. Долидзе «Кето и Котэ». 24. Автор одной из книг о партизанах Великой Отечественной войны. 26. Один из героев романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 27. Солдат в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». 31. Роман К. Седых. 32. Героиня пьесы К. Тренева. 35. Название объекта строительства в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы». 36. Персонаж в балете Р. Глиэра «Красный мак». 37. Название одного из романов А. Гончара в трилогии «Знаменосцы».

По вертикали:

1. Роман Н. Бирюкова. 2. Фамилия писателя в романе К. Федина «Первые радости». 3. Повесть Д. Фурманова. 5. Фильм о легендарном герое гражданской войны. 6. Произведение А. М. Горького. 7. Роман А. Чейшвили. 8. Поэма В. Маяковского. 12. Член Реввоенсовета в пьесе Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й». 13. Автор пьесы «Великая сила». 15. Автор романа «Небо и земля». 17. Автор картины «Утро нашей Родины». 19. Героиня романа А. Коптяевой. 20. Кузнец Путиловского завода в повести А. Толстого «Хлеб». 23. Стихотворение Н. Тихонова. 25. Комсомолец, один из героев романа Н. Островского «Рожденные бурей». 28. Вид литературного произведения. 29. Персонаж из пьесы А. Сурова «Рассвет над Москвой». 30. Вступительная часть произведения. 33. Название деревеньки в поэме А. Твардовского «Страна Муравия». 34. Повесть А. Мусатова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

3. Жаворонок. 8. Удешевление. 11. Поляна. 12. Тантал. 13. Парад. 14. Полька. 16. Гектар. 17. Реплика. 18. Саврасов. 21. Черемуха. 23. «Искра». 24. «Знамя». 25. Кросс. 27. Майка. 29. «Верочка». 30. Радость. 31. Шутка.

По вертикали:

1. Газета. 2. Корнет. 4. Одесса. 5. Орлова. 6. Гулянье. 7. Техника. 9. Моноплан. 10. Бабариха. 15. Арысь. 16. Гагра. 19. Ротатор. 20. Весна. 21. Чирок. 22. Мотовоз. 24. Заем. 26. Сеть. 27. Марш. 28. Арфа.

Ответ на задачу «На строительной площадке»

Обозначим дневную выработку всех экскаваторов единицей. Чтобы вырыть большой котлован, учитывая затраченное на него время, потребовалось $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} = \frac{3}{4}$ их дневной выработки, на вдвое меньший котлован требуется только $\frac{3}{8}$ этой выработки, а на оба котлована вместе $\frac{3}{4} + \frac{3}{8} = 1\frac{1}{8}$. Разность $1\frac{1}{8} - 1 = \frac{1}{8}$ составляет выработку одного экскаватора, а всех их было $1 : \frac{1}{8} = 8$.

В этом номере: вложена репродукция картины Ф. Решетникова «Первого мая», на вкладках помещены репродукции картин В. Гаврилова «На рассвете», А. Левитина, Ю. Тулина «Свежий номер цеховой газеты», М. Поплавского «Рассказ старого коногона» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02227. Подп. к печ. 22/IV 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,625 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 326. Заказ 904. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Дедушка Мазай и зайцы». Несостоявшееся путешествие...

Первый гол.

После зимней спячки. Случай у медвежьей берлоги.

Весенний этюд композитора Плагиаторова.

Цимлянский ландшафт. На старых пастбищах...

Рисунки Е. Ведерникова.

ПЕРВОГО МАЯ.

Ф. П. Решетников.
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.